

Российская
академия наук

Институт
славяноведения и
балканистики

**Славянские
сочинительные
союзы**

Москва 1997

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНСКИЕ
СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ
СОЮЗЫ

Москва
1997

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
д.ф.н. Т. М. НИКОЛАЕВА (ответственный редактор),
к.ф.н. В. С. ЕФИМОВА, проф. И. ФУЖЕРОН (Франция)

В статьях сборника обсуждается вновь ставший актуальным вопрос о функциональной семантике сочинительных союзов А, НО, И. Материал исследователей достаточно широк – от диалектных записей к речи американских старообрядцев-иммигрантов и от фактов современного русского языка к союзам славянских текстов.

Точки зрения и интерпретативные модели авторов сборника не всегда совпадают; чтение статей делает очевидным тот факт, что самые "простые" части речи оказываются для описания самыми сложными.

Впервые публикуются данные о синонимическом употреблении пары НУ вместо НО и НО вместо НУ в русских диалектах (статья Л. Л. и Р. Ф. Касаткиных), полученные данные сравниваются с записями, сделаннымиими же в штате Орегон (США). В статье Т. М. Николаевой прослеживаетсяprotoистория этих союзов и предлагается их современный "портрет" на славянском фоне. Экспериментально-фонетические данные подкрепляют идеи И. Фужерон о специфике тема-рематического членения в высказываниях с союзами НО и А. Е. В. Падучева предлагает общую модель синтактико-семантических структур предложений с НО и А, развивая и дополняя свои работы начала 70-х. Исследование В. С. Ефимовой демонстрирует специфику старославянских союзов, во многом обусловленную влиянием греческих текстов, рассмотренных через славянскую призму.

Сборник представляет собой расширенные и переработанные доклады, сделанные на Круглом столе "Славянские сочинительные союзы" (Институт славяноведения и балканстики РАН, декабрь 1995 года).

Исследования И. Фужерон, Р. Ф. Касаткиной, Л. Л. Касаткина и Т. М. Николаевой выполнены в рамках общего проекта Национального Центра Научных исследований Франции (CNRS) и Российской Академии наук (№ 1027, тема "Взаимодействие лексико-синтаксических и просодических структур и роль этого в восприятии единиц высказывания во французском и русском языках"). Материалы, использованные в статье Л. Л. и Р. Ф. Касаткиных, собраны в США при финансовой поддержке фонда IREX (грант 1995 г.).

Настоящая книга представит интерес для славистов, русистов-исследователей и преподавателей русского языка, а также для ученых-теоретиков и языковедов широкого профиля.

ISBN 5-7576-0064-0

© Институт славяноведения
и балканстики РАН
1997

T. M. Николаева

СОЧИНİТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ А, НО, И: ИСТОРИЯ, СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

1. Несмотря на довольно значительную литературу, посвященную этим трем русским сочинительным союзам, потребность обращаться к их "функциональной" разгадке возникает вновь и вновь – очевидно потому, что привычные для семантика-лексиколога методы и решения здесь оказываются неприменимы, хотя они *должны быть применимы*, ибо этого требует наша речь как наша сущность. Говоря более просто, вопросы предстают следующие:

- 1) можем ли мы говорить о полном несовпадении функциональной семантики этих союзов?
- 2) можем ли мы, напротив, говорить о полной функциональной взаимозаменяемости этих союзов?
- 3) можем ли мы говорить о каких-то частичных зонах их функционального пересечения?
- 4) в этом последнем случае идет ли речь о полной синонимической замене или только об отсутствии *нарушения смысла* при замене?
- 5) накладываются ли на сферы употребления этих союзов различия *стилистические* или, скажем иначе, различия разных речевых традиций?
- 6) различается ли интонация предложений с этими союзами и сохраняется ли это различие при возможном функциональном сближении этих союзов?
- 7) как влияет на указанные сходства/различия дополнительный компонент (компоненты) местоименного или партикульного характера типа *то, зато, ведь, вот* и под.?
- 8) как отделить то, что привносят эти компоненты, от функциональной семантики союза?
- 9) какова роль порядка слов и тема-рематического членения в выявленных сходствах и различиях?
- 10) влияет ли на функционирование этих союзов *графика*, то есть: располагаются ли они после точки или после "внутреннего" знака?

или (если перевернуть вопрос), в каких случаях пишущий ставит точку или даже знак абзаца, а в каких запятую?

11) как быть – а именно эта задача встала перед нами – если в другом языке этим трем союзам функционально соответствует другое число единиц (например, два союза или четыре?).

12) как быть, если окажутся непереводимыми не единицы языков, а метаединицы лингвистического описания (об этом будет сказано ниже в связи с русским словом *сопоставление*).

Постараемся постепенно и по мере возможности препрезентировать свои точки зрения по каждому из указанных выше вопросов.

I. Индоевропейская предыстория А, И, НО.

Обратиться к этой предыстории необходимо потому, что у соединительных компонентов И, А, НО, которым в древности целесообразно не давать метаквалификаций ни как союзов, ни как частиц, ни как междометий на глубинном семантическом уровне, древняя фаза функционирования не “отпала” при позднейшей эволюции, но продолжает оставаться неким теневым фоновым семантическим “субстратом”.

Для лучшего понимания сути этого теневого субстрата обратимся к реконструируемым древнейшим типам соединительной связи в индоевропейском.

Реконструируются две формулы соединения предложений в индоевропейских языках древнейшего состояния. Обе они выводятся из бессоюзного соединения с последующей грамматикализацией входящих в соединяемые предложения частицеобразных дискурсивных элементов.

1) Согласно первой формульной структуре, в начале предложения располагается комплекс клитик, изоморфный дальнейшей грамматической модели из полнозначных слов. Этот комплекс как бы “навешивается” на абсолютно первую, инициальную, единицу-частицу: **nu//no*; **t(h)o*; *so; **e/*o* (см. об этом: [Гамкрелидзе–Иванов 1984, с. 359]).

Нам наиболее была интересна частица **nu//no*, названная ими как абсолютно инициальная.

В. В. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе сопоставляют эту частицу в более поздних языках с др.-ирл. *no, литовским *nu-*, тохарским *ne*; славянским *nъ; ст.-сл. *нъ*; русским *но*. Такую же этимологию для

русского *но* предлагает М. Фасмер [Фасмер Т. 3, с. 77]. Но связывается с русским *ныне* и его аналогами в древних языках.

Таким образом, *ни-* являлось неким начинательным элементом с не очень четким значением.

См. примеры из хеттского текста, приводимые В. В. Ивановым и Т. В. Гамкрелидзе (Указ. соч., с. 336):
ni-uis-ša-an A.NA. Ma-ad-du-ua-at-ta še-er za-aḥ-b[i]-ir ('и они сражались за Мадуватту'); *ni-uis-ma-aš-kán ^{LU}IGI. NU.GÁL. ^{LU}U.HUB pí-ra-an ar-ḥa[pré]-ḥu-da-an-zi* ('и они ведут слепого и глухого перед собой'). Существенно и важно, что *ни-* всюду переводится В. В. Ивановым и Т. В. Гамкрелидзе как '*и*'.

2) Другая модель соединения предложений в индоевропейском строилась так, что из начального, также бессоюзного, примыкания возникал тип присоединения предложения на базе "частиц", в своей первоначальной функции подчеркивающих и выделяющих какое-то одно начальное полнозначное слово. Таковы греческие частицы δέ, γέ и сходные с ними по функции (см. [Мейе 1938, с. 375]). Ср. в этой функции, например, русское **же**: *Я его уговаривал смириться. Он же ни в какую не соглашался.*

Итак, но возводится к **ni-*, т. е. коннектору-актуализатору, передающему нечто актуальное и существенное (семантика типа 'вот – здесь – сейчас'). Этот компонент есть в *ныне* 'теперь'.

Более дискуссионна этимология двух других рассматриваемых союзов – И и А. С их возможной этимологизацией связаны две принципиально различные тенденции представления языковой истории. Согласно одной из них, минимальные дискурсивные единицы, существующие в современных языках и имеющие достаточно прозрачную фонетическую структуру типа V, CV, непременным образом должны возводиться к более древним и обязательно "застывшим" формам. Так, А (**a*) возводят к падежной форме местоименной основы индоевропейского **e/o*, т. е. **a < *ēd/*ōd* – к ablativu единственного числа местоимения (см. разные точки зрения в Этимологическом словаре славянских языков [ЭССЯ, вып. 1, с. 34]). И (**i*) возводится к индоевропейскому **ei-*, первоначально форме местного падежа единственного числа от указательного местоимения **e* [ЭССЯ, вып. 8, с. 167].

Возражения против подобного подхода уже были выдвинуты в книге "Функции частиц в высказывании" [Николаева 1985, с. 17];

они опирались на эволюционную аксиоматику языкового развития: ведь странно представить, что до сих пор семантически диффузные, минимизированные фонетически, слова коммуникативно-модального пласта могут появиться как вторичные элементы, а перед ними в глубокой истории мог существовать язык с мощно морфологизированной системой местоимений, причем местоимений дейктических (то есть текстовая грамматика была уже очень развита! включая тем самым и анафорические функции), но у такого языка не было ни частиц, ни союзов.

Таким образом мы склоняемся к идеи первичности И и А с допущениями фонетических преобразований в диахронии. Такая точка зрения обсуждается в ЭССЯ; см. концепцию, по которой все случаи славянского А характеризуются, как “первоначально, вероятно, междометия” [ЭССЯ, вып. 1, с. 35].

II. А, И, НО в славянских языках.

Эти союзы-частицы известны в настоящее время *всем* славянским языкам и соответственно всем славянским диалектам (но в разной степени и функции; см. об этом далее). Однако их изучение и сопоставление их функционирования оказывается часто принципиально некорректным без учета ряда обстоятельств. А именно – в пределах славянского континуума кодификаторский процесс формирующихся славянских литературных языков происходил в разные хронологические эпохи и происходил по-разному. Поэтому функциональный компонент, в одном языке реализующийся как факт литературного употребления, в другом языке, даже очень близком генетически, может быть диалектным феноменом, а в третьем языке той же группы – характеризовать просторечие и т. д. Наконец, явления современного употребления в одном языке могут соответствовать более раннему или даже древнему засвидетельствованному состоянию в другом языке.

Все эти указанные особенности лингвогеографической дистрибуции употребления частиц в общеславянском континууме легко прослеживаются по данным “Этимологического словаря славянских служебных слов и местоимений” (Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. 2. Praha, 1980 [Etymologický slovník 1980]).

Так, партикуле А приписываются там свойства и междометия, и союза. Например, для А:

А. Функция междометия и “модальной” частицы; переход к функции союза:

слвц. *A, nás Zachara bude mat' nové šaty!*

мак. *A, что была работата!*

чешск. *A, zvolal pan NN.*

русск. *Дедушка, а, дедушка, иди обедать!*

Авторы считают также употребление А в некоторой начинательной функции ослабленным междометием, чем-то вроде “приступа”:

старопольск. *A gdzie jest mój syn wybrany?*

русск. *А я и не купаюсь никогда!*

укр. *А иди ты до дідка!*

болг. *А махай се от тука!* и т. д.

Переход к значению чисто союзному авторы видят в семантике конструкций гипотетических, вопросительных, декларативных, уступительных.

В. Функции союза:

а) адверсативная (мы приводим по одному примеру на каждый категориальный тип):

стчешск. *Svět nedrží boha, a bůh svět drží.*

б) адъюнктивная (присоединительная):

болг. *Много яде, а пак малко придава.*

бб) аддитивная и континуальная:

ст.-сл. *ово падє при пјети а дроугоκ на камене.*

ббб) копулятивное А; норма в чешском, словацком, лужицком; реже в диалектах белорусского и украинского; мы приводим пример из древнерусского:

Слово отъ рыданія а слезъ его скрачаšeся гласъ его.

бс) функция градации:

чешск. *byl to úspěch, a velký!*

Партикуле-коннектору И также приписываются свойства быть и междометием, и союзом:

А. Междометие:

болг. *И, колко хубаве кашта!*

Ослабленное междометие:

чешск. *I je, to jsem rád.*

Б. Частица со значением градации:

ст.-сл. *и́дёже бо есть съкровище ваше . тоу и сръдъце ваше въдѣтъ.*

Возможна семантика более сложной градации:
польск. *Kochan i słuchać o tym nie chce.*

Возможно И с уступительным значением:
чешск. *i při špatném osvětlení by pracoval!*

В. И союз:

1) присоединительный:

слвц. *I prelietla jej mysl'ou celá minulost'.*

2) континуальный:

сербохорв. *Приде му лист и ноће га читати.*

3) уступительно-конклюзивный:

стчешск. *Jene, tys mój přítel zvláštný, i budeš apostol v nebi zácný.*

4) противопоставительный:

ст.-сл. *а зъ же ксмъ чръвъ и не чловѣкъ.*

5) копулятивный:

польск. *walka na śmierć i życie* и т. д.

Партикула НО в “Этимологическом словаре” квалифицируется как инициальное междометие, не возникшее из НЪ в отличие от союза НО (т. е. иная точка зрения, чем в ЭССЯ, см. выше). В функции междометия оно, по данным пражского издания, функционирует во всех славянских языках, кроме русского, белорусского, македонского и болгарского. Однако авторы приводят пример междометия НО с адверсативным значением [Etymologický slovník 1980, с. 502], которое, даже по их мнению, вполне соотносимо по семантике с союзом НО. Это явление они объясняют русским влиянием. Например, слвц. *Jaz sem hotel, no ti ne;* сербохорв. *благо није ни сребро ни злато, но је благо, што је срију драго* и т. д.

Союз же НЪ авторы словаря соотносят с индоевропейским *na, no, nō/pū* (см. об этом выше) и тем самым с греческими *νύ > νῦν* и ст.-сл. **ныне**.

Таким образом, на употребление и трактовку семантики русских союзов И, НО, А *влияет весь комплекс семантики славянского континуума с далеко расходящимся по языкам спектром отдельных значений и их вариантов.*

Диффузность значений трех указанных союзов дополняется – при внимательном к ним подходе – наличием зон *пересечений их семантики*, настолько очевидных и обширных, что практически (в пределах славянского континуума) можно говорить о совпадении

всех значений этих слов (т. е. речь идет о зонах их синонимии). Примеры подобных совпадений были показаны в книге Т. М. Николаевой "Функции частиц в высказывании" (М., 1985). Приведем оттуда некоторые примеры:

И равно И: бел. *Цимох а Хомка пойдуть на работу*.

И равно НО: болг. *Не живеем за да ядем, а ядем за да живеем*.

И равно НО: ст.-сл. *рѣхъ вамъ южѣ и не слышастѣ*.

НО равно И: сербохорв. *Пошто су се напојили вина, но да рече*.

Итак, при анализе этих трех избранных нами союзов дополнительную сложность представляет близость их инвариантной семантики, наличие в их дополнительных значениях зон пересечений.

III. Древнерусские стилевые традиции.

Третью по числу исследовательскую трудность представляет – здесь речь идет о союзах И и А – совмещение в одном языке разных традиций употребления инициальных элементов предложения. А именно: для собственно книжной традиции, восходящей к старославянским, а через них и к греческим текстам, характерно начало на И, которое для греческих текстов соотносится с тем, что именуется καί-стиль. Для старорусского же некнижного языка, как, в частности, показывают работы А. А. Зализняка о новгородском диалекте, начинательным союзом является А, а не И. Говоря о базисе предложения, к которому присоединяется цепочка энклитик, в качестве такого базиса А. А. Зализняк называет проклитики *a, ци, не, а ци* (А. А. Зализняк, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте. М., 1993). См. некоторые взятые оттуда наудачу ряды примеров:

а ныне са дроужина по ма пороучила (109);

а чемоу са гнѣваеш? а тебе са кланлю (175);

а Повъжъи оу Твърдатъ (672);

а то са вѣдаю (616);

а что са подите на Мовозери (141);

а азо са same с нимо үведаю (142) и т. д. [Зализняк–Янин 1993 с. 295].

Важным для нас является замечание А. А. Зализняка о том, что круг проклитико-энклитических сочетаний с А в древнерусском языке сузился: *а ли, а бы, а ти, а бо*. Кроме того, эти парные

комплексы обнаруживают тенденцию к превращению в целостные слова, к сращению: *a-ли>али*; *a-бы>абы*.

В своей последней монографии “Древненовгородский диалект” (М., 1995) А. А. Зализняк резюмирует рассмотренные в предыдущих книгах древненовгородские данные. Он пишет: “Как известно, в древнерусском, в отличие от современного русского, в сложно-подчиненном предложении главное предложение могло соединяться с препозитивным придаточным (относительным, условным или обстоятельственным) с помощью сочинительного союза” [Зализняк 1995, с. 173]. Эти функции в берестяных грамотах XI–XIII вв. выполнял как правило союз А: *a ци цето ти товара надобе, а то воссолю* (624); *али чимо есемо виновата, а восоли отроко* (644). С начала XIV в. в предложениях такой структуры появляется союз И. Первые примеры такого употребления А. А. Зализняк видит в грамоте № 142 (начало XIV в.): *а четъ амьшт пришлио, и вы имъ къне мъи голубыи даете...; а не възме, и вы во стадъ пустите.* В XIV–XV вв. основной становится конструкция с И, а конструкция с А почти исчезает [Зализняк 1995, с. 174].

Специальное исследование способов соединения предложений в книжном варианте древнерусского языка XI–XVII вв. проделано М. Н. Преображенской и Р. Б. Кершиене (см. сборник: “Структура предложения в истории восточнославянских языков”. М., 1983).

Самым характерным текстовым средством связи в древнерусском языке они считают способ *цепочечного нанизывания*, осуществляющий через И, ДА, А и ЖЕ.

При этом начинательные цепочечные союзы совпадают с сочинительными союзами в собственном смысле слова. Для наших же задач важно их наблюдение о том, что “историкам языка не удалось обнаружить каких-либо явных закономерностей в выборе того или иного начинательного союза в текстах. Даже в пределах одного и того же произведения наблюдаются колебания в использовании того или иного начинательного союза” [Структура предложения 1983, с. 109]. Отмечается только то, что союз И, скорее, встречается в повествовательных текстах, а А в деловых.

Бот, в частности, отрывок из “Повести временных лет”, приведенный ими в качестве примера цепочечного нанизывания на И: *и исполчишаися русь и бысть сеча велика... и одолѣ Святославъ. и*

бѣжаша грѣци. и поиде Святославъ ко граду воюя и грады разбивая... (Лет. Лавр. л. 21 об.).

А вот приведенный этими же авторами пример цепочечного называния с А:

А которому посаднику сѣсти на посадниство,... а городскими кунами не корыстоватисѧ, а судомъ не мститисѧ ни на когож. а судомъ не тчитись, а праваго не погубити, и виноватого не жаловати, а безъ исправы человѣка не погубити ни на суду на вѣчи. А князь и посадникъ на вѣчи суду не судять... А не въсудать вправду ино богъ буди имъ судіа во второмъ пришествіи Христовѣ. А таиныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику... (Псковская судная грамота XV в.).

Говоря о бинарных объединениях, где указанные лексемы несомненно имеют союзное значение, М. Н. Преображенская и Р. Б. Кершиене считают, что “будучи многозначными и полифункциональными, все сочинительные союзы обладают общей синтаксической функцией – функцией соединения в самом широком и отвлеченном смысле” [Структура предложения 1983, с. 144].

Итак, существенны для наших задач следующие особенности древнерусского синтаксиса:

1) В значении **противопоставления** И может быть синонимично А: *Богъ ея любить і діяволь ізсильль всякою неправдою; Я к милости твоєї ястреба приносиль и ты его не взялъ.*

2) Конструкции с НО в памятниках XI–XVII вв. с семантикой противопоставления отмечены только при употреблении в первой части НЕ:

а черные люди къ сотникомъ, тихъ ни въ службу не принимати, но блюсти ны ихъ съ одного; И не бѣ од нихъ црл, но архиерѣи владахо ими [Структура предложения 1983, с. 161].

Таким образом, в свете данных всего предшествующего периода (от индоевропейского к общеславянскому и древнерусскому) возможность четкого анализа семантики союзов А, И, НО в современном русском языке затрудняется следующими факторами:

- 1) сложностью таксономического различия начинательных, цепочечных единиц и собственно союзов;
- 2) пересечением семантических зон у этих союзов; близостью их попарной семантики;

- 3) наличием в общеславянском континууме широких функциональных полей диффузного употребления этих союзов с пересечениями самыми разными – от близких по смыслу до функционально противоположных;
- 4) сохранением в литературном русском языке двух традиций: книжной, повествовательной, тяготеющей к И, и собственно русской, субстратной, тяготеющей к А. При этом даже для носителей литературного языка принципы выбора между ними не всегда осознаны.

IV. Сочинительные союзы на улицах современной Москвы.

Сказанное выше как будто бы относилось к истории и предыстории русских сочинительных союзов. Но это не совсем так: те же таксономические трудности обнаруживаются и при анализе самых современных данных – разговорных текстов, записанных в 90-е гг. нашего века на улицах и в домах Москвы (в основном мы использовали данные, приведенные М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой в их книге “Русский речевой портрет. Фонокрэстатомия”. М., 1995).

Эти данные в обобщенном виде можно представить в следующей иерархии:

1. Доминирует в современной разговорной речи А – понимать ли ее как начинательную частицу, “приступ” или как соединительный союз. Более того, А начинательное, абсолютно инициальное, является, на наш взгляд, неким особым коммуникативным приемом, приемом “интимизации”, подчеркнутого включения в чужую среду как в свою, с установкой быть (и/или стать) своим:

A. А сколько этот пирог/ если завесить? (1)

Б. Рублей на двенадцать//

А. А с чем? Будьте добренъки//

Ж. А сырковой массы больше нет?

П. Кто сказал?

Ж. А я не видела// (2).

А. А это что за банки?

Б. Это гуманитарная помощь// Они сначала наворовали/ а потом остатки в продажу пустили/

2. Потребность к интимизации, к сближению в толпе, распространяется в речи не только на инициатора, автора абсолютно первой реплики, но и на лиц, отвечающих ему. Таким образом, появляются "серийные" А в диалогах и полилогах:

(1) *A. A Вы почему здесь стоите?*

B. A женщина отошла и очередь мне свою уступила //

(2) *A что/ здесь только приезжий народ? Аборигенов здесь нет?*

A Вы поубавьте спеси-то! Какие они Вам аборигены? это сельчане// (этот пример взят из книги "Русский язык. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993).

(3) *A – A зачем вы вооруженные пришли сюда?*

– A у вас че ж там это/ машины?

B. A вон машины с ящиками стоят!

A. – A вам не кажется/ что эти ящики тоже пустые?

O. – A вы кого защищаете?

V. Роль графики в формальной структуре предложений с сочинительными союзами.

От инициальных А, сказанных в уличном диалоге, можно перейти к противоположному по "отработанности" компоненту изучаемого материала: к различию связки предложений, в которых сочинительный союз находится после запятой (или изофункционального знака) и пишется с маленькой буквы (такие союзы мы с И. Фужерон назвали "внутренними"), и связки предложений, разделенных точкой (или изофункциональным знаком), внутри которой союз пишется с большой буквы; особый случай составляют сочинительные союзы после знака "абзаца". Такие союзы мы назвали "внешними".

Например, в приводимой ниже последовательности двух предложений первый союз НО будет "внутренним", а второй – "внешним": *Жучка, видя такую измену, подымает отчаянный визг, но этот визг только побуждает Тему быстрее подниматься.*

Но подниматься трудней, чем спускаться! Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Темы уже мало (Н. Гарин-Михайловский. Тема и Жучка).

Материалом (точнее, *одним* из материалов) для определения различия в частоте употребления, структуре и грамматико-

семантических особенностях внешних и внутренних сочинительных союзов послужил сборник рассказов русских писателей XX в. "Мои собачьи мысли" (М., "Детская литература", 1994). В сборнике помещены рассказы и новеллы о собаках А. Чехова, Н. Гарина-Михайловского, А. Куприна, Л. Андреева, Саши Черного, И. Шмелева, М. Пришвина, Ю. Казакова.

Приведем полученные нами данные для союза НО. Речь пойдет о следующих характеристиках:

- 1) отношение числа внешних союзов к внутренним;
- 2) возможность опустить союз без значительного ущерба для передаваемого смысла;
- 3) наличие негации (явной или имплицитной) в соединяемых предложениях;
- 4) наличие семантики уступительности (например, *Она перебежала дорогу к тому месту, где оставила хозяина, но – увы! столяра уже там не было*);
- 5) согласование обоих соединяемых предложений по виду (например, согласование: *Каштанка взвизгнула от восторга, но в это время старик кот зевнул и, потеряв равновесие, свалился с гуси*; несогласование: *В первые дни знакомства Каштанка думала, что... он умен, но прошло немного времени, и она потеряла к нему всякое уважение*);
- 6) согласование соединяемых предложений по времени (согласование: *С улицы послышался лай, и она хотела ответить на него, но вдруг неожиданно ею овладела грусть. Несогласование: А ведь пьесы были хорошие, модные, но только нынешние господа нашей музыки совсем не обожают*).

Представим (в процентах) полученные результаты:

	Внешние	Внутренние
1. Согласование по виду	44	71
2. Согласование по времени	66	89
3. Возможность опустить союз	35	55
4. Наличие "уступительности"	14	48
5. Наличие негации	48	48
6. Процент употребительности	было целесообразно рассмотреть по каждому из писателей отдельно, чтобы проверить гипотезу об изменении-неизменении НО на протяжении XX в. Цифры (в процентах) отношения числа внешних союзов к внутренним	

получились следующими:

А. Чехов – 38,6

Н. Гарин-Михайловский – 23,5

А. Куприн 1 – 66,6

А. Куприн 2 – 1,69 (было два рассказа А. Куприна)

Л. Андреев – 1,63

Саша Черный – 1,85

И. Шмелев – 2,06

М. Пришвин – 0,94

Ю. Казаков – 1,06.

Интерпретировать полученные данные единообразно оказалось пока сложным.

Относительно других показателей необходимо отметить равновесие показателей негации – по 48 процентов в обеих группах; это заставляет вновь обратиться к данным древнерусского языка, когда, по наблюдениям М. Преображенской и Р. Кершиене (см. выше), союз НО обязательно требовал негации.

Итак, можно себе представить нечто вроде “портрета” внешнего и внутреннего НО.

А именно – для внешнего НО характерно в большей степени рассогласование видов и рассогласование времен в соединяемых предложениях, чем для внутреннего НО. Однако возможность рассогласования по виду оказывается более допустимой (или более “легкой”), чем рассогласование по времени. Для внешнего НО менее характерно наличие семантики уступительности, оно скорее как бы “обрывает” действительность, а уступительность делает все предложение более гипотетичным. Внешнее НО скорее можно опустить, хотя часть смысла при этом и будет утрачена:

Арто! Ар-то-шенька! – жалобно завыл старик.

(НО) вдруг он остановился, нагнулся низко к дороге и присел на корточки.

VI. Основные значения сочинительных союзов НО, А, И. Союз НО.

1. В лингвистической литературе, посвященной союзу НО и его основному значению, часто употребляется термин “**обманутое ожидание**” (см., например, то же об английском *but*). В широком смысле слова речь, очевидно, идет о прерванности некоего события, не приведшего таким образом к “ожидаемым” результатам.

Однако более внимательный анализ примеров на “обманутое ожидание” показывает, что мы здесь имеем дело по крайней мере с тремя разными видами сопрягаемой через союз семантики.

Во-первых, “обманутое ожидание” может не выходить содержательно за пределы текста, как бы оставаться в *его* содержательном мире.

В этом случае имеет смысл разделять:

1) “обманутое ожидание” героя, когда читатель не вовлечен в действие. Например, *Она была уверена, что у нее это получится лучше, чем у других, именно потому, что она бы участвовала в покупке, а не стояла столбом, глядя мимо покупателя вдаль.*

Но продавать ей, увы! не давали. Даже электромелочи. (Н. Баранская). В этом примере дополнительной семантической строки из общего для всех носителей языка фонового фонда не возникает.

2) “обманутое ожидание” относится и к читателю текста. – *Расскажите из Гайдара. Нет, слушай из жизни. Давайте смешное – про двенадцать стульев.*

Но Катя стала рассказывать про войну (Н. Баранская). *Новый год принес магазину премию: перевыполнены план продажи холодильников и ламп.*

Но Лушку Новый год не одарил ничем (Н.Баранская). Можно предположить, что именно Лушка ждала премии; нет, за нее ждал читатель.

3) “обманутым ожиданием” называют в лингвистической литературе и иное явление – когда действие не может состояться (или состоится что-то иное) по общим законам, выраженным в пресуппозиции, то есть общем фонде знаний. Например,

Любке захотелось плакать. Но она сидела у всех на виду на высоком месте под ярким светом (Н. Баранская). За этим стоит общее положение: неприятно и неудобно плакать у всех на виду.

Рано утром, когда Таля только начинает просыпаться, мама уходит на работу. Она фельдшерица на медпункте большого завода. Но, кроме работы, у нее еще куча всяких дел и нагрузок (Н. Баранская). Здесь подразумевается: “Такой большой трудовой нагрузки для женщины-матери как будто бы и так достаточно”.

См. и другие примеры на пресуппозицию:
Руки у нее толстые, как итальянская колбаса, но в общем она миленькая (Саша Черный). Фоновая строка: Такие толстые руки

портят женщину.

Общее перечеркивание действия, которое мотивируется через НО, может объясняться и действием всего текста:

Тема ничего не замечает, но вдруг его глаза случайно падают на кладбищенскую стену, и Тема замирает на месте (Н. Гарин-Михайловский), и некими общими законами человеческого существования и устройства мира.

В некоторых случаях это строго различить трудно:

У него тоже открылись глаза, но ему никогда не суждено было увидеть (Ю. Казаков). Здесь и читатель ждет, что щенок Арктур будет видеть, и его хозяин этого ждет, а строится это на том, что когда у щенка открываются глаза, он должен уже быть зрячим.

2. Вторым крупным значением НО можно считать значение “контрата”:

Клавдии Ивановну это смущало, но Славе туфли очень понравились, она упросила их купить (Н. Баранская).

Он два раза пытался ретироваться с честью, но проклятый мопс нападал с остервенением (Саша Черный).

Значение контраста обычно коррелирует с синтаксической структурой обоих соединяемых предложений, где члены под оппозицией как правило выполняют одну синтаксическую функцию: *Клавдия Ивановна – Слава; Он – мопс* (правда, в первом примере есть объясняющееся глагольным управлением расхождение по падежу).

3. Третьим крупным значением для НО можно считать значение “уступительности”, то есть включение семантики “хотя”:

Мой легавый щенок называется Роман, но я больше зову его Ромой, или просто Ромкой (М. Пришвин).

Придут другие, но этих не будет (Ю. Казаков).

Гусь не кричал, но ей опять стало чудиться, что в потемках стоит кто-то чужой (А. Чехов).

Однако, необходимо признать существование некоторой инвариантности союзного значения для НО. Поэтому в каждом из приведенных примеров сосуществуют все три значения, перечисленные нами выше.

Например, 1) читатель может предположить и ожидать, что щенка будут называть полным именем Роман.

2) щенков обычно (?) не называют сокращенным именем человека.

3) здесь возникает контраст имен: Роман – Ромка.

Или: (*Хотя*) *гусь не кричал...* представлена уступительность, но есть и ожидание – при молчащем гусе она должна успокоиться и заснуть. Есть и общая пресуппозиция – в тишине заснуть легче!

Таким образом, всю сумму значений НО можно представить себе в виде некоего спектра, где значения переходят друг в друга, выявляясь каждое по принципу: **больше – меньше**. В целом же НО в дискурсе необходимо квалифицировать как прекращение действия (реального или ожидаемого) с экспликацией этого прекращения – как явной, данной в тексте, так и имплицитно мотивированной (пресуппозиция).

Союз А.

1. Основным значением союза А мы считаем “**сопоставление**”¹. Сопоставление – это соединение через равноправное рассмотрение двух компонентов, не сливающихся при этом в единую картину-кадр. Например,

Фрейлейн поминутно отзывает девчушек, а мамаша с лорнетом кличет испуганно Вилли (Саша Черный). В этом случае сопоставляются две пропозиции. В приведенном примере актанты разные и действия разные. Однако эти действия и актанты могут входить в поле некоторого гиперсостояния, например, может сообщаться об одном существе:

Его голубые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания (М. Пришвин).

Наконец, сопоставляемые пропозиции могут принадлежать одному хронотопу, то есть объединяться единством места и времени, в пределах которых пропозиции сопоставляются.

Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой обоим укрыться впору (А. Куприн).

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап (А. Куприн).

Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови сердито сдвинулись к переносью (А. Куприн). Во всех этих примерах есть локализатор-обобщение: *у нее; на дороге; его глаза*.

Возможно и другое семантическое “направление” связки предложений с А, когда глаголы-сказуемые передают последовательные

¹ Точка зрения, выработанная совместно с И. Фужерон.

действия и их сопоставление происходит таким образом при изменяющейся временной оси:

Этого прикосновения было достаточно, чтобы петля бесполезно соскочила, а Жучка, потеряв разновесие, свалилась в грязь (Н. Гарин-Михайловский).

Вижу, как из травы то тут, то там, как горлышко бутылки, высунется ее шея, а за ней везде шевелит траву и весь ее выводок (М. Пришвин). Здесь, благодаря глагольной семантике, сочетается сопоставление, сосуществование (во взгляде смотрящего) и последовательность действий лиц.

2. Второе значение А – это значение “контраста”. Сопоставляются актанты “на равных”:

Вода замерзает зимой, а я каждое утро (Саша Черный).

Все затыкают уши, а я не могу (Саша Черный).

Ей дано искать, а мы будем чай пить (М. Пришвин).

В соединяемых предложениях такого типа контрастными оказываются: *Вода – Я; Все – Я; Ей – Мы* и т. д. Большую роль в выражении контраста и его подвидов в таких предложениях играет интонация.

3. Третьим типом значения для А можно считать “обманутое ожидание”. Например,

Дрожу, дрожу, а толку мало (Саша Черный).

Потом запряг меня в автомобиль, а я уперся (Саша Черный).

Очевидно, что песик рассчитывал согреться; на нем предполагали покататься, как на лошади, и под.

4. Через союз А передается и значение “уступительности” (хотя во всех примерах в нашем материале в аналогичных случаях имелось некое околосоюзное добавление типа *хотя, ведь* и т. д.):

Это первые в мире собачьи стихи, а ведь я не учился ни в гимназии, ни в цехе поэтов (Саша Черный).

Я хоть плавать умею, а они что будут делать в своих ботинках и чулках, если дом перевернется? (Саша Черный).

Союз И.

1. Основным значением союза И можно считать передачу одного большого события как цельного через дополнительное его разбиение на сосуществующие пропозиции.

1) частным и частым случаем такого представления событий можно полагать одновременность происходящих действий (ситуаций).

Например,
На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке (Л. Андреев);
Небо качается, улица качается, и наш пол качается (Саша Черный);
Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их (Л. Андреев);
2) при изменении семантики глаголов-сказуемых в пропозициях представляемое большое событие может выглядеть, как протекающее *во времени*, т. е. осуществляется *последовательность* более дробных событий:
Это успокаивает его, и он спускается дальше (Н. Гарин-Михайловский);
Махну рукой по всему горизонту, и Лада летит, расширяя круги все дальше и дальше (М. Пришвин);
Свечерело, я выстрелил по мелькнувшей в кустах тени, промахнулся, и лиса пошла наутек, и за ней, удаляясь в прямом направлении и постепенно затихая, понесся и Соловей (М. Пришвин).

Как видно из приведенных примеров, статичность состояния или изменение состояния зависят от семантики глаголов; более того, возможно, “развитие событий” могут передать только глаголы в их последовательности. Вспомним *Veni, vidi, vici*. Эта иконичность расположения глаголов-сказуемых при И может обозначать не только последовательность событий, но и их причинную взаимозависимость. Например,

Но раньше какой-то негодяй прошел в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи мешались с острой каучуковой вонью (А. Чехов). (Необходимо отметить в этом примере последовательность раньше – теперь);

От этого стона сердце Темы мучительно сжалось, и у него каким-то воплем вырвался новый громкий оклик (Н. Гарин-Михайловский);

Начинался рассвет, и в комнатке уже не было того невидимого чужого, который так пугал Тетку (А. Чехов).

Иконическая последовательность глаголов может придавать излагаемой цепи событий и значение результата, обычно связанного с причинностью:

Я бегаю, вытаскиваю из воды детские кораблики, прыгаю через их

песочные постройки, и весь берег меня знает (Саша Черный).

2. Вторым значением союза И можно назвать “**присоединительность**”. Отличить это значение от первого довольно несложно, так как в этом случае при опускании части, вводимой через И, вторая часть остается самодостаточной. Например,
Он мог еще двадцать лет ездить по морю, и я уверен, что не встретит ничего подобного (И. Шмелев);
Это крикнул Иван Иванович, и крик его был не болтливый и убедительный, как обыкновенно, а какой-то дикий и пронзительный (А. Чехов).

VII. Пересечения семантики союзов: несовпадения или синонимия?

1. Не приводя примеров снова, повторим те значения каждого из трех союзов, которые можно назвать индивидуальными, характерными только для этого союза, а не для члена набора в целом.

Для И – это значение **присоединительности**.

Для А – значение **сопоставления**.

Для НО – значение “прекращения”, перечеркивания, связанное с фондом **пресуппозиции**.

2. Более сложными являются ситуации квазисовпадения семантических зон. Этих зон в основном мы можем назвать три:

- 1) зона контраста для А и НО;
- 2) зона “обманутого ожидания” для А и НО;
- 3) зона сосуществования в одном хронотопе для И и А.

Рассмотрим каждую из зон.

Зона контраста.

Клавдию Ивановну это смущало, (но, а) Славе туфли очень понравились. Оба предложения “правильны”, но с А предложение предполагает равенство матери и дочери в вопросе выбора туфель. НО в этом случае подразумевает, что дочь, до этого во всем слушавшаяся мать, не должна была тут покориться.

Все затыкают уши, (а, но) я не могу. Введение НО перечеркивает возникшую дополнительную семантическую строку (деонтологическую пресуппозицию), что “Я” должен быть, как все люди.

Ей дано искать, (а, но) мы будем чай пить. При А предполагается некоторое равновесие вещей, “каждому свое”. *Ей дано искать, но мы будем чай пить* – здесь возникает идея, что и “мы” могли бы искать вместе с собакой, но мы этого делать не будем.

Таким образом, контраст с НО предполагает наличие некоторого дополнительного предписания поведения, того, как нужно было поступать. Союз же А сопоставляет и противопоставляет события и как данности, и как факты.

Зона “обманутого ожидания”.

Рассмотрим два примера из упоминавшейся книги Н. Н. Розановой и М. В. Китайгородской “Русский речевой портрет”.

а. Рассказ Т. Г. Винокур о том, как бабушка ее мужа приехала в Москву на заработки:

В одиннадцать лет / отправлена в Москву на заработка // А попала она / как это называлось/ в общем / такую белошвейчину / к белошвейке//. Из текста следует, что поиски заработка в Москве оправдались примерно так, как она и предполагала. Заменяем союз А на НО в этом примере:

В одиннадцать лет / отправлена в Москву на заработка // Но попала она / как это называлось/ в общем / такую белошвейчину / к белошвейке//. Союз НО явно обозначает несоответствие результата ожидаемому в гораздо более крупных масштабах, чем при А. Однако неясно, в какую сторону пошло несовпадение ожидаемому: попасть в белошвейчину – это выше предела мечтаний или, напротив, в белошвейчной много было заработать нельзя.

б. Рост у меня/ я считаю/ ничего // А вот вес мог бы быть и поменьше. Сравним – *Рост у меня/ я считаю/ ничего // Но вот вес мог бы быть и поменьше.* Можно сказать также, что в первом случае говорящая рассчитывала бы на примерное соответствие веса росту, и все. В примере с НО в тексте как бы просвечивает некое третье, нереализованное, событие: говорящая чего-то хотела бы: стать фотомоделью? кому-то понравиться? но вот вес мешает. Таким образом, горизонт ожидания при НО отличается и количественно – он как бы превышает ожидание, и качественно – может реализоваться событие иного сорта, иного типа, чем ожидалось.

Зона сосуществования в одном хронотопе – для И и А.

Судя по нашим данным, замена И на А возможна во всех примерах, где выявляется сосуществование двух пропозициональных событий в пределах одного хронотопа. Однако – и это совершенно отчетливо – при И происходит как бы “отдаление камеры” от рассматриваемой ситуации: более дробные явления не изучаются раздельно, в сопоставлении, в перемещении кадра, а упор делается

на всю глобальную ситуацию в целом. Приведем примеры такого изменения и при замене А на И, и при замене И на А.

И<А:

Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой укрыться впору → *Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, и каждый лист такой большой, что нам с тобой укрыться впору.*

И<А:

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап → *На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, и рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап.*

Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови сердито сдвинулись вниз к переносью → *Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, и тонкие брови сердито сдвинулись вниз к переносью.*

А<И:

Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их → *Люди спали, были беспомощны и не страшны, а собака ревниво сторожила их.*

Интересно, что в некоторых случаях И не оказалось возможным заменить на А:

Небо качается, улица качается, и наш пол качается. Вероятно, это объясняется единством ситуации, заданным через идентичное для всех пропозиций сказуемое качается. Другой пример: *На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке.* Этот пример как бы противоположен предыдущему: платок матери выделен через только и потому не может быть сопоставлен ни с чем другим. Поэтому замены А и И очевидно возможны там, где есть равноправные субъекты и равные (не-идентичные) действия.

Итак, о полной функциональной синонимии союзов И, А, НО говорить нельзя, можно лишь обозначить зоны пересечения их семантики.

ЛИТЕРАТУРА

Гамкрелидзе–Иванов 1984: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси, 1984.

- Зализняк 1995: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк–Янин 1993: *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Мейе 1938: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л., 1938.
- Николаева 1985: *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Структура предложения 1983: Структура предложения в истории восточнославянских языков. М., 1983.
- Фасмер: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1974 –.
- Etymologický slovník 1980: Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 2. Praha, 1980.

И. Фужерон

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
РУССКИХ СОЧИНİТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ.
СОЮЗЫ И И А, СОЮЗЫ А И НО

Перевод русских сочинительных союзов на французский язык является камнем преткновения для студентов. Действительно, для перевода трёх русских союзов И, А, НО французский язык располагает лишь двумя: ET и MAIS. ET может функционировать как соединительный и как противительный союз, т. е. переводиться и как И, и как А. MAIS может переводиться и как А, и как НО. Надо сказать, что существующие словари мало чем помогают в выборе того или иного союза. Мы попытаемся, сопоставив эти три русских союза, выявить некоторые их различия.

Одной из особенностей союза А является то, что он способен соединять. Однако А функционирует как двуликий Янус: потому что соединять-то он соединяет, но вместе с тем он показывает наличие какого-то разрыва. И вот эта его "двуликость" отличает его как от НО, так и от И. Почему двуликость? Возьмём любой пример, где имеется простое сопоставление:

Анфиса (И. Грекова "Вдовий пароход") приходит от врача разочарованная:

1. "Обратно всё то же: нервы, истерика, кали бромати. Ничего не понимают врачи. *По-ихнему* истерика, а *по-моему* — просто жизнь. Жизни не знаете, вот и прописываете".

Налицо сопоставление двух несовпадающих точек зрения: по-ихнему / по-моему. Таких примеров очень много. Они прослеживаются и в разговорной речи, и в диалектах.

С точки зрения коммуникативной организации высказывания каждая часть этого сложносочинённого предложения может представлять собой темо-рематическую организацию. Кроме того эти две структуры составляют в целом одну темо-рематическую конструкцию, где первая часть сочинения служит темой, основой, а вторая —

ремой. На наш взгляд, именно в организации этой усложненной тема-рематической структуры и проявляется "двуликость" союза А: получается как бы рамочная структура **T - R** (которая, как правило, и отражается интонационно), каждый из компонентов которой также представлен в виде тема-рематической структуры. Именно союз А показывает, что каждой из двух тем присуща своя рема и только она. Ремы нельзя переменить местами. Иначе говоря, если имеет место

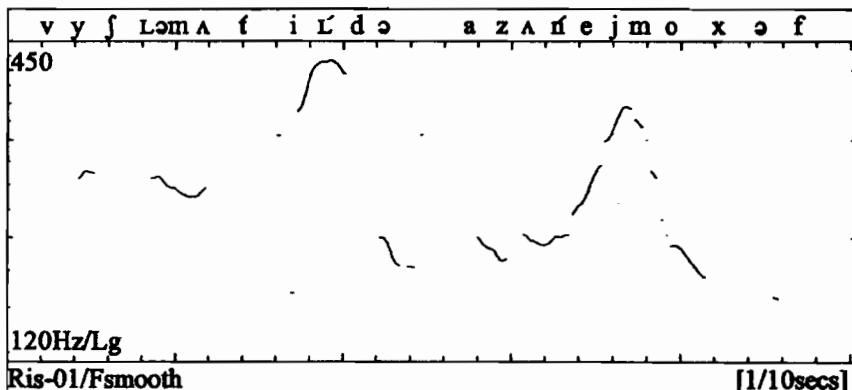
T - R, а T' - R', это значит, что сочетание **T' - R** или **T - R'** исключены.

Роль союза А заключается в том, чтобы соединить в одно две сравнимые, сопоставимые части и вместе с тем показать их различие, несовместимость. Таким образом мы полностью разделяем мнение И. Н. Кручининой о том, что "цель сопоставления – в выражении несходства" [Кручинина 1988, с. 140–141].

Чтобы показать отличие союза А от союза И попробуем в контекстах, где это возможно, заменить А на И. Например:

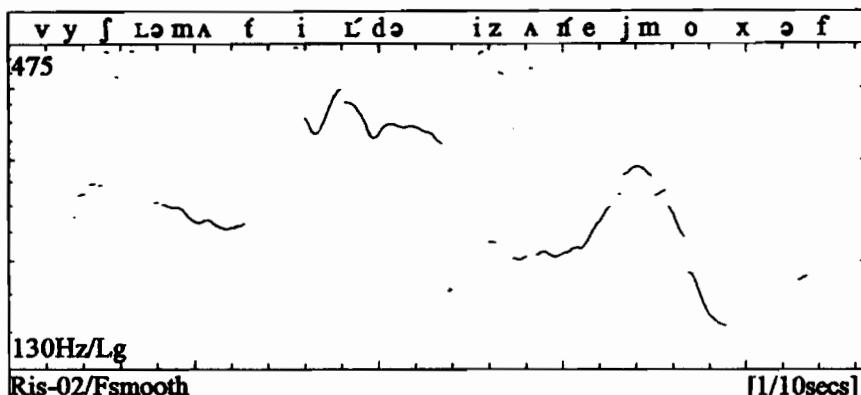
(Человек возвращается из командировки, он звонит одному приятелю, а ему звонит одна знакомая женщина, он должен встретиться и с обоими у себя в квартире):

2. "Лифт останавливается. *Вышла Матильда, а за ней Мохов*" (Василий Гроссман "Добро вам") – см. рис. 1.

Как и в предыдущем примере две темы (*вышла* и *за ней*) и две ремы (Матильда, Мохов) объединяются одной рамочной тема-рематической структурой. Если вместо А поставить И:

2а. *Вышла Матильда, и за ней Мохов* (см. рис. 2).

Нам кажется, что высказывания 2 и 2а будут функционировать в разных конструкциях. У Гроссмана вслед за фразой "*Вышла Матильда, а за ней Мохов*" следует вопрос человека, который их ждет: "Как это вы вместе?" – и ответ: "Встретились в парадном случайно". За фразой "*Вышла Матильда, и за ней Мохов*" вряд ли последует тот же вопрос "Как это вы вместе?", так как высказывание с союзом И скорее всего будет произнесено в том случае, если Матильду и Мохова ждали *вместе*. Значит И присоединяет что-то заведомо известное, *не* другое, *не* чуждое.

На различие А и И можно привести немало примеров. Очень часто отличие смысловое сопровождается различием интонационным. В статье Е. В. Падучевой – Г. Е. Крейдлина приводится пример:

3. *У меня своя жизнь, а у него своя* [Крейдлин–Падучева 1974].

Попытаемся вставить эту фразу в текст

– *Ну вот, как же так? вы разошлись, а живете в одной квартире.*

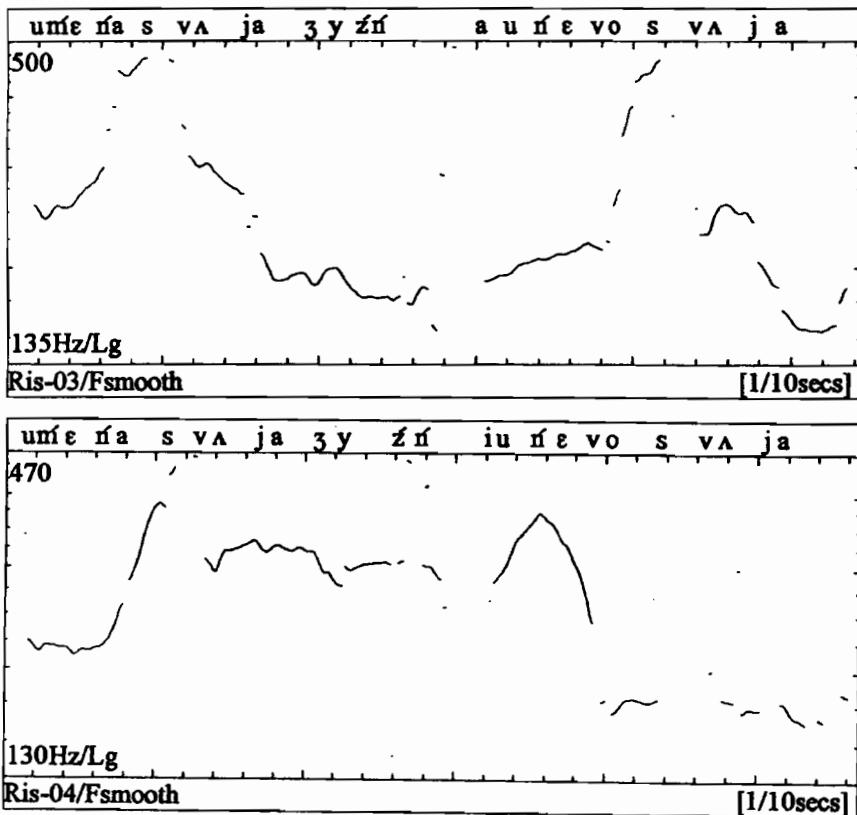
– *Ну, а что особенного? У меня своя жизнь, а у него своя.*

Достаточно заменить А на И, и получается:

За. *У меня своя жизнь, и у него своя.*

Там, где были две тема-рематические организации возникает одна простая: *у меня* (*T*) и *у него* (*R*).

Интонационно перед нами две совершенно разные картины. В сопоставительном высказывании с союзом А наблюдаются две восходящие – нисходящие мелодические кривые, каждая из которых отражает темо-рематическую структуру (см. рис. 3). В высказывании с союзом И тематическому подъёму на теме *у меня* соответствует мелодический спад на реме *у него* (см. рис. 4). Таким образом мы имеем дело с одной тема-рематической структурой, где тема и рема связаны соединительным союзом И. Целью этого высказывания, в противоположность высказыванию с союзом А, является показать сходство (у каждого есть свое).

Таким образом, А и И отличаются по значению, по функционированию во фразе (следовательно, в тексте), и все это поддерживается интонационным выражением. Кроме того А как бы намечает какую-то прогрессию: высказывания с этим союзом представляют некоторую ситуацию, которая, как правило, требует комментария, развития. В этом особенность союза А, он работает на развертывание текста, движет текст вперед, противопоставляя, сопоставляя, действуя каким-то образом еще, но выводя за рамки одного предложения, в текст. Высказывания с И представляют ситуацию как таковую, не требующую разъяснений. Такая ситуация может выступать как заключение.

Союз А может быть как "внутренним", так и "внешним" союзом¹. Как правило, значение его при этом сохраняется. "Внутренний" союз функционирует в одном сложносочиненном предложении, а "внешний" союз в сверхфразовых единствах. Вот отрывок из воспоминаний Шаляпина:

4. Втроем мы стали ходить к приказчикам на спевки. Там нас угожали печеньем и чаем, в который можно было класть сахара сколько душа желала. Это было замечательно, потому что *дома и даже в трактире*, куда мы, мальчики, заходили между ранней и поздней обеднями, чай пить можно было только вприкуску, а не в накладку, *а у приказчиков* клади сахара сколько хочешь.

Разрыв получается довольно большой – сначала: *дома и в трактире*; дальше идет большой период: *что делалось в доме и в трактире*; затем: *А у приказчиков* – как второй член оппозиции. Построение получается сложное, и А выступает как связующий элемент развёрнутой противительной конструкции.

Такой же подход – с точки зрения тема-рематической организации – может быть применен и к начальному А в диалогах. Часто говорят, что А – это трамплин, частица, с которой удобно начинать, которая помогает подойти к чему-то. Но вот, например, такая ситуация:

Женщина стоит на кухне и думает:

5. "На ужин можно было бы сделать салат, но этого мало. Мяса нет, я не купила". И задаёт кому-то вопрос : "*А ты яйца купил?*"

Рассуждение развивается следующим образом:

¹ Терминология С. Карцевского («Deux propositions dans une seule phrase», Cahiers Ferdinand de Saussure, № 14, 1956, p. 40–42).

*Мяса нет, но можно сделать яичницу, яичница – это неплохо...
А яйца есть?*

И вот весь этот внутренний монолог и все эти размышления прерываются “начальным” А, которое сигнализирует выход на собеседника, вводит вопрос и даёт ему понять, что заданный вопрос, возник не случайно, а связан с чем-то предыдущим, может быть, не эксплицитным. А в этой позиции в какой-то мере провоцирует собеседника вызывая его на ответ. Вряд ли в таких случаях можно говорить о наличии **сопоставления**, или **противопоставления**, скорее следует говорить о **трамплине к А** (не “А-трамплин”, а трамплин к А!), союзу, который осуществляет связь с предыдущим. Можно сказать, что А не рождается “на пустом месте”.

Благодаря сотрудникам института Русского языка РАН мы имели возможность ознакомиться с некоторыми фрагментами диалектных текстов привезённых из экспедиций². В одном из этих текстов шла речь о том, как собирали, молотили хлеб. Спрашивали какую-то крестьянку. Вопросы задавал работник Института русского языка.

Вот фрагмент диалога:

6. – **А** *чем косили-то?*
  - *А косили косой.*
  - **А** *какие эти косы были?*

Что оказывается? Вероятно, намечается какое-то поле, какая-то большая тема разговора. И А позволяет реориентацию внутри этой темы: задан вопрос, получен ответ, спрашивающий удовлетворён и переходит к *другому пункту той же большой темы*. Это не введение новой темы как таковой. Нет, это новое направление в рамках одной большой темы.

Приведём для иллюстрации сказанного еще один диалог – разговор в Доме культуры:

7. – *Ваши артисты – это все рабочие завода?*
  - *Рабочие, инженеры, техники.*
  - **А** *какие у вас работают кружки?* –
  - *Много* (перечисление).
  - **А** *студенты совсем не участвуют в ваших кружках?*
  - *И студенты к нам приходят.*

² Автор пользуется случаем выразить глубокую признательность Р. Ф. и Л. Л. Касаткиным за предоставленный материал.

– **A** когда работают эти кружки?

– ...

– **A** кто руководит работой кружков?

Внутри единой темы – организация работы народного театра – каждый вопрос даёт разговору новое направление, переходя от одного пункта к другому. Если рассматривать реплики диалога, т. е. вопросно-ответную систему как тема-рематическую организацию, то становится очевидной отмеченная выше роль союза **A**: введение новой тема-рематической группы.

Начальное **A** может играть и другую роль. Это “**A** как агрессия”. Достаточно вспомнить все допросы или все разговоры, в которых говорящий, который ведет “игру”, хочет добиться своего результата. Например, у Рыбакова в романе “Дети Арбата” допрашивают Сашу, обвиняя его в том, что он обращался к кому-то за помощью. Причем, тот, кто спрашивает, уже знает, чего он хочет добиться:

8. – Вы обращались к кому-нибудь за помощью?

– Нет.

– **A** к Будагову?

– Нет.

– **A** почему он за Вас заступился?

Допрашивающий своими вопросами не дает Саше уйти от разговора (нет должно было бы кончить разговор), возвращает его все время в намеченную им тему, стараясь загнать Сашу в угол и добиться желаемого ответа. Возможно, это какой-то частный случай того значения, о котором шла речь выше. Мы остаемся в одной и той же теме, стараясь добиться ответа. Различие, может быть, только в том, что спрашивающий ждёт определённого ответа, поэтому вопросы его построены так, чтобы добиться желаемого, добиться ремы, которую он себе уже запрограммировал.

В разобранных случаях невозможно, как нам кажется, произвести замену союза **A** на **НО**. Однако встречается немало случаев, когда эти союзы “взаимозаменимы”. Вероятно, именно этот факт приводит к тому, что в словарях, к сожалению для наших студентов, объясняют **A** через **НО** и **НО** через **A**³. Если в целом ряде случаев грамматически замена возможна, то встаёт вопрос: насколько высказывания после такой замены могут считаться равнозначными.

³ См. Словарь русского языка в 4-х томах, изд-е АН СССР (М. 1957).

Возьмем такой пример:

9а. *Вода была холодная, а мы купались*

9б. *Вода была холодная, но мы купались.*

Во-первых, как показали результаты аудиторского анализа, эти высказывания функционируют в разных контекстах:

9а. – Не люблю я отпуск в Прибалтике: ни тебе погреться, ни искупаться!

– Ну, это зависит, как себя настроить! Вот в прошлом году! *Вода была холодная, а мы купались.* (!) Каждый день. Ничего, бодряще!

Высказывание с союзом **НО** появляется в контексте иного характера:

9б. – В день отъезда мы пошли на море. *Вода была холодная, но мы купались.* Что-то вроде прощания с морем. Каждый, по традиции, бросил в море монетку, чтобы вернуться.

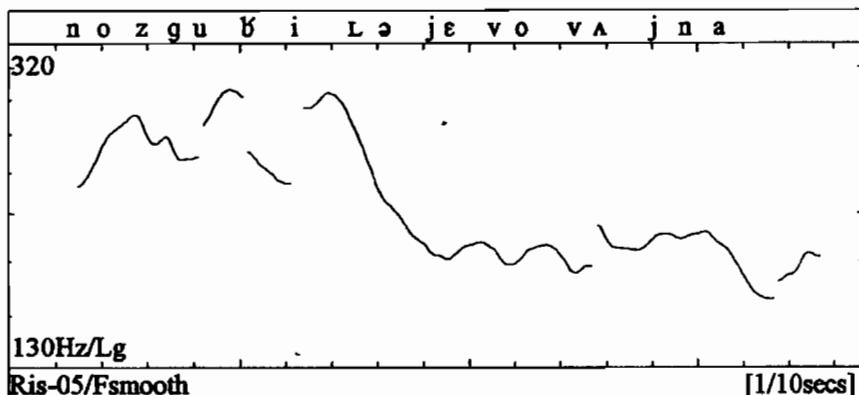
Во-вторых, эти высказывания организованы по разному. Если в высказывании с союзом **А** две тема-рематические структуры обрамлены одной, то этой глобальной, обрамляющей структуры не наблюдается в высказывании с союзом **НО**. Это различие отражается и подкрепляется интонацией. В высказывании 9а (с союзом А) первый член сочинения реализуется с интонацией темы [Fougeron 1989], т. е. с резким подъёмом тона в ударном слоге прилагательного *холодная*. Этому подъёму соответствует рематический сброс тона в ударном слоге ядра – в глаголе *купались* во втором сочинённом члене. Таким образом члены сложносочинённого предложения предстают единым блоком. В высказывании 9б (с союзом **НО**) такого единства не создаётся. Мелодическая схема представляет собой две очень схожие кривые, которые отражают тема-рематическую реализацию каждого из двух членов сочинения. Отсутствие объединяющей структуры делает каждый из членов в какой-то мере самостоятельным, независимым от другого. Высказывание с союзом А говорящий берёт на свой счёт, выражая своё отношение к сказанному (отсюда и эмоциональная насыщенность). По отношению к высказыванию с союзом **НО** говорящий занимает нейтральную позицию: он сообщает о факте не давая ему никакой оценки, не выражая своего отношения к нему, как сторонний наблюдатель.

Сочинение посредством союза **А** приводит в ряде случаев к выделению темы во втором члене сочинения, чего не наблюдается при

союзе НО. Мы снова воспользуемся отрывком из диалектологических записей :

10. Был он замечательный человек, золотой мужик, *но* сгубила его проклятая война. (По наблюдениям Р.Ф. Касаткиной НО в диалектах встречается редко).

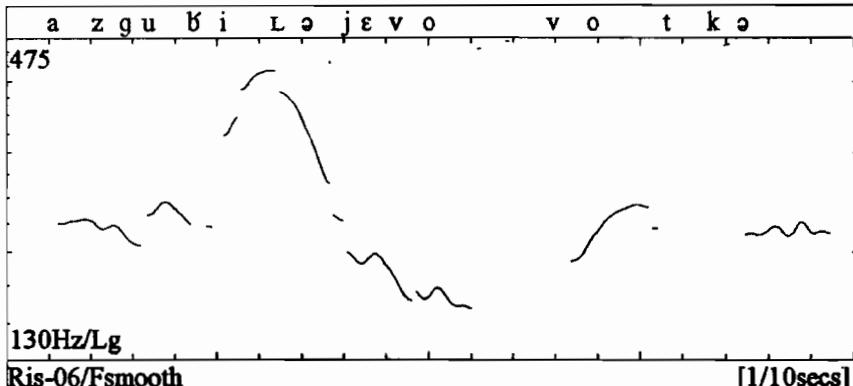
Первая часть сочинительной конструкции (до союза НО) реализуется с повторенной на однородных предикатах интонацией точки. Во второй части, после союза НО, предикат *сгубила* отмечен сбросом тона, характерным для фразового ударения (см. *рис. 5*).

При данном лексическом составе замена НО на А представляется неуместной. Но произведём некоторые изменения в лексике: вместо *война* поставим *водка*. Замена НО на А становится вполне возможной.

10а. Был он замечательный человек, золотой мужик, *а* *сгубила* его проклятая водка.

Интонационная реализация высказывания 10а отличается от реализации высказывания 10. Наиболее важным изменением является выделение глагола-темы *сгубила* резким восходящим движением тона на ударном слоге (а также возможной паузой после прямого дополнения) – см. *рис. 6*. Только союз А позволяет конструкции с выделенной темой.

Подобный же анализ приложим и к фрагменту из книги Ф. И. Шаляпина “Страницы из моей жизни”:

11. Вскоре я простудился и заболел. Помню, лежал я на горячей печи, но никак не мог согреться.

Замена союза НО на А приводит к необходимости изменить порядок слов:

11а. Помню, лежал я на горячей печи, *a согреться* никак не мог.

Здесь, как и в предыдущем примере, введение союза А приводит к выделению темы. Тогда как в конструкциях с союзом НО перед нами спокойное, стройное изложение событий.

Из сказанного следует, что там, где лексико-грамматическая структура и позволяет замену союза А на союз НО или наоборот, значение высказывания и его функционирование не остаются безразличными к такой замене.

Интонационное различие, отражающее различие в значении этих двух типов высказываний оказывается вполне релевантным. Как показали проведенные тесты, по представленному первому члену сочинения слушатели, в подавляющем большинстве случаев, правильно выбирают союз, вводящий второй член сочинения.

Кроме того, следует отметить, что НО действует как бы “в обратную сторону” по сравнению с А. Если А развивает, приносит что-то новое, дает возможность развивать, то НО вводит то, что ограничивает, замыкает то, что было сказано раньше, закрывает. НО действует как замок. Вот еще один пример из воспоминаний Шаляпина:

12. Вообще я не особенно обижался, когда меня били. Я находил это в порядке вещей. Я знал, что в Суконной слободе всех бьют — и больших и маленьких, всегда бьют — и утром и вечером. Но публичная казнь в предбаннике, на виду голых людей и на забаву им — это очень обидело меня.

Вообще побои его не обижали. Можно заключить, что он не обиделся и в этот раз, значит все не так плохо. Но... союз вводит ограничение этого *вообще* рассказом о конкретном случае. Но вводит именно то, что ограничивает, перерезает. Очень часто после Но повествование берёт другое направление, немножко меняется его тема, мы входим в другой сюжет. Так следом за сценой в бане рассказ переносится на отношения мальчика к дебошам пьяного отца. Вот это ограничительное значение Но, его действие как бы в обратную сторону по сравнению с А, является одним из их различительных признаков.

Наше исследование ни в коей мере не претендует на исчерпывающее, но те некоторые различительные признаки союзов И, А и Но, которые мы постарались здесь показать и проиллюстрировать, могли бы, как нам кажется, послужить базой для дальнейшей разработки вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

Крейдлин-Падучева 1974 — Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза а // Научно-техническая информация. Серия 2, № 9, 1974, с. 31–37.

Кручинина 1988 — Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988.

Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.

Fougeron 1989 — Fougeron I. Prosodie et organisation du message. Paris, 1989.

Fougeron I. A et Но, deux conjonctions synonymes ? // Particules énonciatives en russe contemporain, vol. 3. Paris, p. 97–107.

Fougeron I. Prosodie et organisation du message, vol. LXXVI, Klincksieck (Collection linguistique). Paris, 1988.

Fougeron I. A et les rapports interphrastiques en russe contemporain // Revue des études slaves, t. LXII, 1–2. Paris, 1990, p. 125–137.

Fougeron I. La conjonction adversative А en russe contemporain et son rôle dans l'organisation du texte // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. LXXXVI. Paris, 1991, p. 245–273.

Fougeron I. Retour sur les conjonctions adversatives А et Но en russe // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. XC. Paris, 1995, p. 313–333.

E. V. Падучева

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СОЮЗОВ А И НО

Посвящается Анне Вежбицкой

Русские союзы А и НО породили обширную лингвистическую литературу (см., в частности, [Левин 1970, Крейдлин–Падучева 1974, Yokoyma 1981, Санников 1989]), и какое-то время назад считалось, что проблема решена. Произошли, однако, два события в лингвистике, которые позволяют по-новому взглянуть на известные факты и дать им новую более интересную интерпретацию.

Одно из них состояло в том, что в лингвистику вошло понятие субъекта сознания – как обобщение понятия говорящего, необходимое, с одной стороны, для собственных нужд лингвистики, в частности, для теории дейксиса, а с другой стороны – для теории нарратива. О субъекте сознания см. [Banfield 1982, Paducheva 1990, Падучева 1996]. Теория нарратива потребовала уточнения соотношений между первичным и вторичным дейксисом, в результате чего в центре внимания оказалось понятие наблюдателя, необходимость в котором была, на ряде ярких примеров, продемонстрирована Ю. Д. Апресяном, см. [Апресян 1986] (наблюдатель, т. е. субъект восприятия, – это частный случай субъекта сознания). Оказалось, что субъект сознания присутствует в семантике союзов А и НО, и его выявление важно для понимания смыслового различия между этими словами.

Второе событие – выход в свет книги А. Вежбицкой о связи языка с национальным характером [Wierzbicka 1992], с главой, посвященной русскому языку. А. Вежбицкая считает характерным для русской языковой картины мира в целом семантический компонент “неподконтрольной ситуации” (*situation out of control*). Мы попытаемся показать в данной работе, что союз А, этот чисто русский феномен, отсутствующий даже в других славянских языках, обязан своей спецификой именно этому семантическому компоненту.

Ниже мы сосредоточимся именно на том аспекте семантики союза А, который связан с его эгоцентричностью (ориентированностью на субъект сознания), отвлекаясь от остальных – в том числе и от таких, которые, в принципе, заслуживают дальнейшего анализа, в частности, от уникальной связи союза А с просодией, которая была выявлена в работе Крейдлина и Падучевой 1974 г.

Основной путь анализа – выявление контекстных условий, влияющих на значение союза, т. е. семантических, грамматических и коммуникативных соотношений между актантами X и Y в составе структур вида "X, *а* Y" и "X, *но* Y".

Мы исходим из наличия у союза А трех значений, которыми охватывается большая часть его употреблений – А₁ несоответствия, А₂ сопоставления и А₃ присоединения, см. [Крейдлин–Падучева 1974]. Из этих трех значений здесь рассматривается только А несоответствия. Многие примеры взяты из цитируемых работ, поскольку они уже привычным для подготовленного читателя образом иллюстрируют какие-то аспекты проблемы.

При обсуждении семантики союза А удобно ориентироваться на формальные тесты. Мы будем обращаться к следующим двум:

I. Замена А на НО: при каких условиях можно заменить А на НО (и наоборот, НО на А) без существенного изменения смысла предложения в целом? если смысл меняется, то как и почему?

II. Перестановка актантов X и Y в предложениях с союзами А и НО: при каких условиях возможна перестановка актантов без существенного изменения смысла?

Объяснить поведение предложений с союзами А на НО по отношению к эти тестам – значит описать более или менее все интересные аспекты значения каждого из союзов.

Исходным будет для нас следующий набор примеров предложений с союзом А в значении несоответствия (цифры в угловых скобках отсылают к компонентам толкования приведенного ниже: номер примера включает указание союза, который он иллюстрирует; пример, помеченный штрихом ', отличается от исходного порядком актантов):

- (A-1) Скоро весна, *а* мороз *<становится>* все сильнее; <2a>
(A-2) Я покушался на убийство, *а* меня не арестовывают (Чехов. "Дядя Ваня");
(A-3) Был ветер, *а* сгорел только один квартал;
(A-4) Путь был долг, *а* я вышел поздно;
ср. (A-4') Я вышел поздно, *а* путь был долг; <2a'>

- (A-5) Маше хочется с кем-нибудь поговорить, а она живет одна; <2b>
 (A-6) Квартира не убрана, *а* Маша пошла в кино;
     ср. (A-6') Маша пошла в кино, *а* квартира не убрана <2b'>
 (A-7) Накануне ночью грязнул мороз <...>, *а* Тиверзин был одет по-осеннему.
 (Пастернак. "Доктор Живаго") <2c>
     ср. (A-7') Тиверзин был одет по-осеннему, *а* накануне ночью грязнул мороз;
 (A-8) Накануне ночью грязнул мороз, *а* Тиверзин оделся по-осеннему.

При рассмотрении примеров (A-1) – (A-8) возникают следующие вопросы.

1. В примерах (A-1) – (A-3) замена А на НО возможна без ощутимого различия смысла. Почему (если, в принципе, А и НО не синонимы)?

2. В (A-4'), (A-6'), (A-7) замена невозможна; т. е. А допустимо в контексте данных X и Y, а НО – нет. Почему?

3. Особенno интересны (A-4), (A-6) и (A-8): здесь замена А на НО возможна, но сопровождается особым изменением смысла, везде одинаковым. В чем оно состоит? И почему такого изменения смысла не происходит при замене А на НО в (A-1) – (A-3)?

4. В примерах (A-4), (A-5), (A-7) компоненты X и Y представляются, а в остальных, скорее, нет. Почему?

Ниже приводится толкование союза А (в значении несоответствия) и союза НО (во всех основных значениях). Толкования позволяют ответить на все поставленные вопросы.

Толкование союза А

X, *а* Y =

1) Имеют место X и Y (X и Y – ситуации в широком смысле слова, т. е. события, состояния и проч.)

2) Между X и Y имеет место одно из следующих трех соотношений:

а) из того, что X, следует, что не должно быть Y (или что должно иметь место нечто, противоположное Y); реже – *a'*, наоборот, из того, что Y, следует, что не должно быть X;

б) из того, что X, следует, что должно иметь место X', а Y противоречит тому, что X', или препятствует тому, чтобы X' имело место; реже – *b'*, наоборот, из того, что Y, следует, что должно быть Y', а X противоречит Y' или препятствует тому, чтобы Y' имело место;

с) ситуации X и Y, если они обе имеют место, приводят к

некоторым (обычно – нежелательным) последствиям.

3) ситуации X и Y имеют одинаковую важность;

4) субъект сознания (осознающий все импликации и противоречия между X и Y) – это говорящий;

5) ситуации X и Y рассматриваются (субъектом сознания) из одной и той же временной точки.

Как легко видеть, примеры (A-1) – (A-8) различаются тем, что в них выполняются разные варианты условия 2). Например, в (A-5) выполняется 2b): если Маше хочется с кем-нибудь поговорить (X), она должна осуществить свое желание (X'); между тем, то, что она живет одна (Y), препятствует этому.¹

Комментарий по поводу компонента 2c). Чаще всего последствия совместного осуществления X и Y бывают неприятными; однако это не обязательно. Таким образом, компонент 2c) может быть ослаблен до компонента 'X и Y вместе привели к определенным последствиям'. Например, в (A-9) наличие обязательно неприятных последствий не подразумевается:

(A-9) День был жаркий, а мы поехали за город.

В контексте, где неприятные последствия сами собой не очевидны, возникает ощущение семантической неполноты: предложение, взятое вне контекста, воспринимается как некая экспозиция, фон (background), и слушатель ожидает продолжения – каких-то комментариев по поводу соположения этих двух утверждений. Например, в (A-2) это реакция "Странно!", см. более подробное обсуждение этой проблемы ниже. Таким образом, очевидность неприятных последствий факта совместного осуществления X и Y – это лишь частный случай, и в этом случае предложение с союзом A контекстно свободно, т. е. не является вне контекста семантически неполным, информационно недостаточным. Иными словами, если нет очевидных неприятных последствий совместного наступления X и Y, то какие именно это последствия должно быть указано или ясно из контекста².

¹ X' is somehow semantically connected with X – e. g., it may be X with different modality. The same is true about Y' and Y below. Актант X' и соответствующий ему компонент 2b был обоснован в Левин 1970 (применительно к толкованию союза НО). Ср. о tertium comparationis в Карлсон 1986.

² С точки зрения здравого смысла (а не формальной логики) соединение двух утверждений вообще бессодержательно, если из него не вытекает никакого третьего.

Заметим, что при таком толковании союза А в значении несоответствия значение сопоставления можно не рассматривать как отдельное: значение А₂, возникающее в контекстах типа *Береги платье снову, а честь – смолоду*, можно представить как такой частный случай значения А₁, когда следствие, вытекающее из соположения двух фактов (или, как в данном случае, двух рекомендаций) можно выразить так: ‘и в этом отношении они – платье и честь – сходны’.

В Санников 1989 компоненты 2а) – 2с) суммируются как отклонение от нормы. В Вольф 1985, с. 19, говорится об общей положительной ориентации нормы как она отражается в языке – в таком случае, отрицательные последствия ненормальны *ipso facto*. В целом, однако, компоненты 2а) – 2с) в толковании союза А следует, по-видимому, обобщить не как ненормальность, а как такое сочетание двух ситуаций, которое чревато третьей. В частности, этим третьим компонентом может быть ощущение аномалии (со стороны говорящего); но с равным успехом этой третьей ситуацией является определенное последствие совместного наступления X и Y – чаще всего, но не обязательно, неприятное. Ненормальность сочетания двух ситуаций может только в том и состоять, что оно чревато неприятной третьей.

Теперь о союзе НО. В толковании НО мы следуем, в основном, работе Санникова 1989. Не принимая, однако, во внимание выявленного в этой работе общего значения НО, мы сразу рассмотрим два частных, возникающих при определенных X и Y: статическое, с частной разновидностью – оценочной, и динамическое, то, которое В. З. Санников называет “НО ненормального хода событий”.

Исходный набор примеров.

- (НО-10) Его фамилия Вернер, **но** он русский;
- (НО-11) Ходил **по** улице, **но** денег нет;
- (НО-12) Ларина проста, **но** очень милая старушка;
- (НО-13) Рано задумал ты жениться, **но** невеста твоя мне нравится;
- (НО-14) Мне предложили, **но** я отказался;
- (НО-15) Я отсутствовал долго, **но** она меня не забыла;
- (НО-16) Он звал, **но** я не поехала;
- (НО-17) Цыган раздобыть не удалось, **но** она не растерялась.

Толкования союза НО

Статическое значение; X, но Y =

1) имеют место X и Y (X и Y – статические ситуации);

2) из того, что X, следует, что должно иметь место X', а Y противоречит тому, что X', или препятствует тому, чтобы X' имело место;

3) то, что Y, более существенно, чем то, что X.

Это значение иллюстрируется примерами (НО-10), (НО-11).

Разновидностью статического значения является оценочное – как легко видеть, оно получается за счет того, что X' фиксируется как “мир хорош” (или, реже, “мир плох”).

Оценочное значение; X, но Y =

1) имеют место X и Y (X и Y – статические ситуации);

2) из того, что X, следует, что мир хорош (X'), а Y противоречит такой оценке (в результате – мир плох); реже – из того, что X, следует, что мир плох (X'), а Y противоречит такой оценке (в результате – мир хорош);

3) то, что Y, более существенно, чем то, что X.

Оценочное значение значение иллюстрируется примерами (НО-12), (НО-13).

Динамическое значение (ненормального хода событий);

X, но Y =

1) в момент t_i имело место X; в момент t_j имело место Y;

$t_i < t_j$; X и Y – события;

2) при нормальном ходе событий, раз произошло X, Y не должно было иметь места;

3) то, что Y, более существенно, чем то, что X.

4) если Y есть действие целеполагающего субъекта, то на нем лежит ответственность за ненормальный ход событий – он был вызван его решением совершить данное действие.

Это значение иллюстрируется примерами (НО-14) – (НО-17).

Компонент 3) в значении союза НО убедительно обоснован В. З. Санниковым. Пример того, как он работает в НО оценки:

(НО-13) *Рано задумал ты жениться, но невеста твоя мне нравится* =
‘рано жениться (X) – это плохо’;

‘невеста нравится (Y) – это хорошо’;

общий итог – ‘можно жениться’, поскольку Y важнее;

(НО-13') *Невеста твоя мне нравится, но жениться ты задумал рано* =
общий итог – ‘лучше бы не жениться’.

Компонент 4) (отсутствующий, насколько нам известно, в существ-

вующих описаниях семантики НО) можно проверить, сопоставив пример (НО-18) (из Грамматики-80) и (А-18):

(НО-18) Стояла зима, **но я гулял в пиджаке** (Шалляпин).

(А-18) Стояла зима, **а я гулял в пиджаке**.

Союз НО выражает сознательное решение, а А просто сополагает факты. Ср. также (А-2) и (НО-2):

(НО-2) Я покушался на убийство, **но меня не арестовали**.

Предложение (НО-2) означает 'так "они" решили'; "они" – целеполагающий субъект, поступающий вопреки логике. В (А-2) говорящего интересует только результат.

Теперь убедимся в том, что предложенные толкования А и НО позволяют понять условия возможности и невозможности замены А на НО, а также перестановки актантов в предложениях с А и НО, см. вопросы 1 – 4 выше.

1. Почему в (А-1), (А-3) замена А на НО возможна почти без изменения смысла?

Дело в том, что здесь реализуется компонент 2а) толкования союза А, при котором значение союза А совпадает, как легко проверить, со статическим значением НО.

2. Почему невозможна замена А на НО в (А-4'), (А-6') и (А-7)?

В (А-4') и в (А-6') реализуются, соответственно, компоненты 2а') и 2б') толкования союза А, которые характеризуются обратным направлением следования по сравнению с 2а) и 2б): из того, что Y, следует, что не должно иметь места X. Такое соотношение между актантами X и Y допускается союзом А, но не союзом НО. Поэтому употребить НО нельзя. В (А-7) замена невозможна потому, что здесь реализуется компонент 2с) толкования А, где нет импликации от X к не-Y, т. е. тоже такой компонент, которому нет соответствия в толковании НО.

3. Примеры (А-4), (А-6) и (А-8) демонстрируют особый контекст употребления союза А, связанный со специфической структурой актанта Y: здесь Y обозначает действие, так что в ситуации имеется Агент, который, вообще говоря, мог бы контролировать наступление ситуации Y; следовательно, именно этот Агент несет ответственность за ненормальный ход событий. В контексте актанта Y, имеющего такую внутреннюю структуру, союз НО означает, что ненормальный ход событий был результатом сознательного выбора (соответствовал намерениям) этого субъекта, см. компонент 4) в

толковании НО ненормального хода событий. Возникает значение: 'субъект мог быть каузатором ситуации, которая была бы нормальной реакцией на то, что имеет место X, и тогда Y бы не произошло; но он поступил иначе, что и привело к Y', см. пример (НО-18) выше.

Союз А, напротив, игнорирует наличие в ситуации Y субъекта, который мог бы контролировать наступление / ненаступление ситуации Y в контексте уже имеющего место X; союз А имплицирует наличие в ситуации Y субъекта, который мог бы определять дальнейший ход событий, принимая во внимание тот факт, что уже имеет место X, но не сделал этого. Иными словами, союз А выражает ненормальность такого положения вещей, когда одновременно имеют место X и Y, не представляя, однако, наступление (или наличие) ситуации Y как результат сознательного игнорирования субъектом того стимула, который исходит от X. Это субъект, который "не владеет ситуацией".

Подразумеваемый субъект сознания, выявляемый в предложениях с союзами НО и А (см. компонент 4), дает о себе знать многими различными способами.

Понятие субъекта сознания возникло в связи с анализом повествовательного текста – как субститут говорящего, который в повествовательном тексте отсутствует, см. [Падучева 1996]. Там, где в речевом режиме в интерпретации языкового элемента (с эгоцентрической семантикой) принимает участие фигура говорящего, его эквивалентом в нарративе может быть либо рассказчик, либо герой, который выступает как фокус эмпатии автора. И тот и другой могут выступать в роли субъекта сознания, которого требует тот или иной эгоцентрический элемент языка.

Различие между союзами А и НО – в том, что при союзе НО в роли субъекта, осознающего ненормальность совместного наступления X и Y, может выступать Агент действия Y; тогда как в случае союза А ненормальность совместного наступления X и Y осознается только говорящим. Разумеется, это противопоставление возникает только в таких предложениях, где Y имеет субъект.

Союз А игнорирует наличие в Y сознающего субъекта: даже если в Y подлежащее в первом лице, как в (А-4), союз А третириует этот субъекта как неполноценный Агент; действие этого субъекта переосмысливается как произшедшее с ним событие (happening по А. Вежбицкой, т. е. происшествие). Таким образом, в (А-4) союз А

влияет на осмысление ситуации Y, порождая значение ‘нечаянно’, ‘не подумав’, ‘зазевавшись’ и под.: говорящий смотрит на себя в прошлом со стороны и как бы с некоторым удивлением. Союз НО в этом контексте означал бы ‘Я сознательно отклонил события от их нормального хода’. Таким образом, семантика русского союза А подтверждает тезис А. Вежбицкой о том, что “ситуация, вышедшая из-под контроля” – это излюбленный семантический компонент в русской языковой картине мира.

Если субъект в Y – третье лицо, то предложение допускает интерпретацию в нарративном режиме, см. примеры (НО-7), (НО-9). При этом НО порождает эмпатию к этому субъекту – предложение входит в контекст, который характеризуется как несобственная прямая речь. Повествование воспринимается как ведущееся от имени героя, как его внутренняя речь, ср.:

(НО-6) **Квартира была не убрана, но Маша пошла в кино.**

(НО-8) **Накануне ночью грязнул мороз, но Твердин оделся по-осеннему.**

Между тем союз А, который в речевом режиме имеет интерпретацию, апеллирующую к фигуре говорящего (говорящий выступает в роли субъекта сознания), в нарративном режиме маркирует присутствие рассказчика. Так, за фразой (А-8) стоит субъект сознания, не совпадающий с субъектом предложения Y.

Мы вправе заключить, что НО – вторичный эгоцентрический элемент, а А – первичный, и тогда все вышесказанное подпадает под общие правила поведения этих двух категорий слов в нарративе, см. [Падучева 1996].

Заметим, что фраза (А-8) однозначно маркирована – словом *накануне* – как включенная в нарративный режим: чтобы она могла быть употреблена в речевом режиме, надо *накануне* заменить на *вчера*: во фразе

(А-8') **Вчера ночью грязнул мороз, а он оделся по-осеннему**

мы ясно чувствуем говорящего в роли субъекта сознания – именно говорящий осознает несообразность сочетания ситуаций X и Y.

Обнаруженная нами первичная эгоцентричность союза А объясняет тот часто отмечаемый факт, что этот союз тяготеет к разговорному языку. Союз НО такого ограничения не имеет.

То, что в семантике союза НО (в значении ненормального хода событий), в отличие от А, подлежащее актанта Y является полноправным деятелем, сознательно игнорирующими стимулы, идущие от X, проявляется, довольно неожиданно, в том, что контекст союзов А

и НО необходимо принимать во внимание при интерпретации временных соотношений между ситуациями X и Y: временные отношения между X и Y осмысляются при НО иначе, чем при А. Так, фраза

(НО-9) **Накануне ночью грянул мороз, но Тиверзин оделся по-осеннему** однозначно понимается таким образом, что Тиверзин выбирал себе одежду ПОСЛЕ наступления холодов. В самом деле, только при этом условии он мог проявить себя как субъект, контролирующий ход событий. Между тем фраза (А-8), с союзом А, допускает такое понимание, что одежда выбиралась тогда, когда мороз еще не наступил; оба события – наступление мороза и выбор одежды – рассматриваются из одной и той же временной точки (скорее всего, это временная позиция говорящего, см. компонент 5) в толковании союза А). В тексте Пастернака, из которого взят отрывок (А-8), очевидно, что так оно и было – Тиверзин не мог проявить себя как субъект, сознательно проигнорировавший, при выборе одежды, стимул, поступивший со стороны погоды:

Тиверзин пришел домой на третий день продрогший, невыспавшийся, небритый.

Накануне ночью грянул мороз, небывалый для таких чисел <...>, а Тиверзин был одет по-осеннему.

Последний комментарий – по поводу компонента 3) в толкованиях А и НО, который служит для этих союзов важным различительным признаком: НО различает актанты X и Y по степени важности (Y важнее, чем X), см. [Санников 1989], тогда как А трактует компоненты X и Y как равноправные.

Дело в том, что из этого компонента вытекает важное различие в текстовых функциях наших союзов: в тексте после предложения с союзом НО развитие обычно идет по линии Y, тогда как А употребляется тогда, когда предшествующий и (или) последующий текст требуют обращения сразу к обоим актантам – и к X, и к Y, см. [Карлсон 1986, с. 297]. В примере (А-18), отрывок из которого уже приводился выше как (А-2), мы видим типичное для А употребление в контексте ‘странны’, ‘значит’:

(А-19) **Войницкий. Странно. Я покушался на самоубийство, а меня не арестовывают, не отдают под суд. Значит, считают меня сумасшедшим.** (Чехов. “Дядя Ваня”).

В тексте (А-19а) второе предложение – это развитие содержания актанта Y; между тем в (А-19б) это комментарий по поводу X и Y вместе взятых:

(A-20) а. Люди проходят мимо, но он их не замечает. Он ждет.

б. Я проходила мимо, а ты даже не заметил. Обидно.

В (A-21) X и Y имеют, напротив, общий, относящийся к ним обоим предтекст:

(A-21) Всегда они так: позовут, а сами не готовы. (Т.Толстая)

4. Наконец, остается последний вопрос – о перестановке актантов X и Y. Различие между союзами A и HO с точки зрения возможности перестановки актантов тоже вытекает из предлагаемых толкований.

В предложении с союзом HO перестановка актантов невозможна никогда – по одной или сразу нескольким из нижеследующих причин.

1) Отношение следования в предложении с HO всегда направлено в одну сторону – из того, что X, следует, что не должно быть Y.

2) Соотношение по важности в предложении с HO всегда работает на Y (т. е. Y важнее, чем X), так что перестановка будет сопровождаться изменением этого соотношения.

3) При HO оценки перестановка X и Y будет означать изменение оценки.

4) При HO в значении ненормального хода событий X и Y – события, упорядоченные во времени, так что их перестановка будет сопровождаться изменением временных соотношений.

При союзе A перестановка актантов иногда возможна, иногда – нет, что полностью предсказывается приведенными толкованиями.

Если актант Y находится в каузальной зависимости от X (т. е. если реализуется условие 2a) или 2b) толкования союза A, так что A ≈ HO), перестановка невозможна – как она невозможна для HO, см. (A-1) – (A-3).

Впрочем, перестановка актантов может стать возможной, если в состав Y включить *ведь*:

Сгорел только один квартал, а ведь был ветер!

Если же, наоборот, X находится в каузальной зависимости от Y (т. е. реализуется условия 2a') или 2b') толкования союза A), то перестановка возможна (разумеется, если нет других препятствий – анафоры и проч.); так, (A-4) ≈ (A-4').

• Если реализуется условие 2c), то перестановка возможна, см. (A-7) и (A-7').

Итак, можно считать доказанным, что союзы А и НО призваны пополнить собой и без того мощную армию эгоцентрических слов русского языка. При этом семантика союза НО, вторичного эгоцентрика, более обычна, поскольку субъектом сознания — носителем противоречивости и импликаций; положительных и отрицательных оценок; тем, кто оценивает стимулы извне и принимает противоречавшие им решения — может или даже должно быть лицо, упомянутое в самом предложении. Тогда как союз А — первичный эгоцентрик, и в роли субъекта сознания, предполагаемого семантикой этого союза, выступает говорящий — или, в повествовательном тексте, его обычные заместители.

ЛИТЕРАТУРА

- Вольф 1985: *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Карлсон 1986: *Карлсон Л.* Соединительный союз BUT // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.
- Крейдлин-Падучева 1974: *Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В.* Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом А // Научно-техническая информация, сер. 2, 1974, № 9, 10.
- Левин 1970: *Левин Ю.И.* Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970, вып. 13.
- Падучева 1996: *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Русская грамматика. Т. 1-2. М., 1980.
- Санников 1989: *Санников В.З.* Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
- Banfield 1982: *Banfield A.* Unspeakable sentences: narration and representation in the language of fiction. Boston etc., 1982.
- Wierzbicka 1992: *Wierzbicka A.* Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. New York: Oxford, 1992
- Paducheva 1990: *Paducheva E. V.* Deixis in a narrative text: General strategies of interpretation. // Carina amicorum: Carin Davidsson septuagenariae 28.3.1990 oblata. Åbo, 1990.
- Yokoyama 1981: *Yokoyama O.T.* On sentence coordination in Russian: a functional approach // Papers from the 17th regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1981, p. 431–438.

Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина

СОЮЗЫ И ЧАСТИЦЫ А, НО И НУ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

1. В новгородских берестяных грамотах, отражающих бытовую речь жителей древнего Новгорода, союз А встречается много раз. А. А. Зализняк в Словоуказателе к берестяным грамотам в [Янин–Зализняк 1986, с. 226] приводит 435 случаев употребления союза А, в [Зализняк 1995, с. 594]. Он уже просто указывает: *saepissime*, то есть очень часто. Союз же НО (НЪ) встретился всего один раз в грамоте, написанной монахом, где есть и другие приметы книжного стиля [Зализняк 1995, с. 246–247, 639].

Иная картина наблюдается в памятниках, отражающих древнерусский литературный язык. Так, например, в словоуказателе к изданному тексту Мстиславого евангелия, написанного на рубеже XI–XII веков для новгородского князя Мстислава Володимировича, приведено 200 случаев употребления союза А и 318 случаев употребления союза НО (НЪ) [Апракос 1983, с. 298, 394].

Это свидетельствует о книжности союза НО, о его неупотребительности в древнерусском разговорном языке, по крайней мере, в древненовгородском диалекте.

2. Мы поставили перед собой задачу выяснить, как употребляются эти два союза в современной устной крестьянской речи. Были прослушаны большие массивы магнитофонных записей из фонотеки Отдела фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, в основном собранных нами во время наших диалектологических поездок. Эти диалектные тексты отражают говоры из разных областей России – как северорусских (Архангельской, Вологодской, Кировской), так и южнорусских (Калужской, Курской, Липецкой, Рязанской). Поскольку никакой специфики в употреблении этих союзов между северорусскими и южнорусскими говорами нами выявлено не было, примеры из диалектных текстов мы приводим общим списком.

Мы исследовали и речь крестьян-старообрядцев, предположив, что у них как у людей книжной культуры может быть совсем иное, чем у других крестьян, использование этих союзов. Речь старообрядцев была нами (совместно с Г. А. Бариновой и С. Е. Никитиной) записана в США, в штате Орегон, в октябре 1996 г.

Большинство орегонских старообрядцев – выходцы (или их потомки) с Алтая или Приморья, Камчатки, Сахалина, бежавшие в Китай от преследований советской власти и осевшие в США в 1960-е годы. Их говор – среднерусский с многими севернорусскими чертами. В Китае они жили двумя группами: одни на северо-западе, в Синьцзяне (в американской старообрядческой среде их называют "синьцзянями"), другие на северо-востоке в окрестностях Харбина (их называют "харбинцами").

Меньшая часть орегонских старообрядцев – потомки донских казаков, бежавших после разгрома Булавинского восстания в начале XVIII в. с Дона на Кубань, а в 1740 г. в Турцию; другая их группа осела в устье Дуная, в Добрудже, откуда некоторые позднее также переселились в Турцию. Значительная часть живших в Турции старообрядцев в 1960-е годы переехала в США. Их говор южнорусский. Называют их "турчанами".

В результате прослушивания диалектного материала выявилась картина, напоминающая ситуацию с древненовгородским диалектом: союз и частица А представлены *saepissime*, в то время как НО в говорах Европейской России было отмечено лишь в единичных случаях. В речи же старообрядцев НО встречается довольно часто.

3. Союз А в диалектной речи может выступать в тех же значениях, которые встречаются и в литературном языке [см., например, Грамматика 1980, т. II, с. 621–623, Санников 1989, с. 168–177].

3. 1. Сопоставительное значение:

- 1) *Невестка старьшая, а я молодая* (Калуж.).
- 2) *Жижку так вот сольет свекровья-то, а куски в чашку* (Калуж.).
- 3) *Как выскочила я, а ён, бригадир, на дороге* (Калуж.).
- 4) *А что ж, этим всем всего, а я буду на одной воде?* (Калуж.).
- 5) *Готовься к операции... То боялась, а дальше уже не стала* (Калуж.).
- 6) *Я стою, глаза вылупила, думаю: "Что мне делать? Как мне?" А поезд прям ветром этим вжик, вжик!* (Липецк.).
- 7) *Раньше-то не разрешали, а теперь где хочешь коси!* (Арх.).

- 8) *Хто говоря, что здесь, с Кяхты, а хто говоря, что воённы принесли.* (Арх.).
- 9) *Мати одна была. Где она чё возьмёт? А мы еще мálы были* (Арх.).
- 10) *Волнúшка – она прýгорка маленько, ее подольше мочим. А грузли тоже сутки мочим.* (Кир.).
- 11) *У них на Хóлном этот праздник справляют, а мы его не справляем, этот праздник.* (Кир.).
- 12) *Катаемся, дак не зябúт ноги. Сначала попозябúт, а после уже не слышим, что зябут ле, не зябут.* (Кир.).
- 13) *Вот эта нога больно болела лонíсь здþово, а нынче не болит* (Кир.).
- 14) *На Рожество гадали там вот это, в кольцо смотрят, в зеркало смотрят, гадали все. А я вот не знаю, не верила все* (Кир.).
- 15) – *А чем красили яйца?* – *В общем, у кого краска есть, а мы луковым пером* (Кир.).
- 16) *Мужики, они в карты играют, там чё-нибудь своё у них, а мы, опять тоже в своё* (Кир.).
- 17) *У нас нет медведей. Леший овсяник был ходил осенью, а чичáс нет в лесах-то* (Кир.).
- То же и в речи старообрядцев:
- 18) *Жили мы на востоке, а эти были на западе, что ли, они вот тут эти, синьцзяньцы.*
- 19) *И что-то, то ли судорога стянула или что-то с сердцем. Закричал: "Я тону!" <...> А эти переплыли, значит, друзья.*
- 20) *Отец пошел в ту сторону, а сын пошел против.*
- 21) (Я) *не читал в церкви, а она (жена) читала.*
- 22) *Василий был бездетный, он уехал туда. А у Сидора нескольке сыновей было, они щас живут некоторые в Киргизии, некоторые в Казахстане.*
- 23) *Раньше старались молодежь пойдут на фабрики это на швейные, а сейчас молодежь уже старается <...> работать в офисах, в конторах.*
- 24) *Одна (дочь) вышла за турчанина, <...> а две за синьцзяньцев.*

- 25) Пέрво, значит, воевали против мы киргиз, а потом соединились с киргизами, когда <...> эти казаки пошли против коммунистов.
- 26) Это в нашем посёлке (так молотили), а в других посёлках <...> там сразу свáживали на гувнó и молотили сразу. А у нас молотили змáми.

3. 2. Значение присоединения:

- 1) Дадутъ тебе шубку, запóуник посúлють, а ты и с Святéй и до зáговин дóлбишъ (Калуж.).
- 2) Он на почте работал, а им он сусед (Липецк.).
- 3) Мы же то соли купим, то спичек купим, еще карасин, ведь лант этих (электрических) не было. А карасину в ланты опять купим (Ряз.).
- 4) Кашу постну варили на воды, а молока не давали (Арх.).
- 5) Ведь отличная была церковь, а звон даже в Шестаково слышно, пятнадцать километров даك (Кир.).

Примеры из речи старообрядцев:

- 6) Их завезли в Америку, а тут эти молокáны очень это агитировали.
- 7) Я приехал на свальбу (свадьбу) как к другу, а потом познакомился.
- 8) Пахали на лошадях, сеяли хлеб руками, а потом боронили. Солома надает на одну сторону колосом, а тогда идут и связывают ее в снопы.
- 9) (Индюков) мы не держали. А вот здесь у американцев много.

3. 3. Значение несоответствия:

- 1) Я чула (слышала) скрóзь три земли: у лéсе забалáкаютъ, а я чую! А вот на тоби – оглохла (Калуж.).
- 2) Сколько я пострадала в этой жизни, одна я знаю! И голодная, и холодная! А жива во! (Калуж.).
- 3) Хромая была, не ходила, а зыбку-то качает (Калуж.).
- 4) Заработать заработаешь, а как провезть? Провезть-то никак не провезёшь (Калуж.).
- 5) Приходим, а он дома (Липецк.).
- 6) Недели две прошло, баx, а его забрали на хронт (Липецк.).
- 7) Мы хватились, а его не было (Липецк.).
- 8) Вот тебе, зиму ее оберегали-оберегали, обували-одевали, кормили-поили, а теперь она уходит, нас бросает (Липецк.).
- 9) Мы хватились, а его уже не было (Липецк.).

- 10) У колхозя работать работали, а давать ничего не давали (Липецк.).
11) Один этот, знаешь, у нас район, а разное (Кир.).

Из речи старообрядцев:

- 12) Мы здесь воюем, а наши семьи зорят (разоряют).

- 13) Так я бы знал, дак каждый день к тебе ходил там в гости. А я не знал.

3. 4. В ряде случаев А соединяет следующую за ней часть с опущенной и подразумеваемой частью:

- 1) Мы побегли за ёлки, а его не было (Липецк.). Здесь отношение несоответствия ожидаемому и невысказанному в предложении: *Мы побегли за ёлки, думая, что он там, а его не было.

- 2) Нынче с зяtem ходили по грибы и наши поросуков этих, кабанов. Кабан-от выскоцил, побежал, я за ним, думаю: чё это, где? А чичас одна хожу, не боюсь (Кир.). Здесь отношение сопоставления с подразумеваемым сказуемым: *Кабан-от выскоцил, побежал, я за ним, думаю: чё это, где? и испугалась. А чичас одна хожу, не боюсь.

3. 5. Как заметила чешская исследовательница З. Трёстера, А в русском языке нередко связано не с синтаксисом сложного предложения, а с синтаксисом текста. По ее мысли, А в этом случае – **текстовый коннектор**, знак “присоединения, добавления, вставления, введения прямой речи и т. д.” [Трёстера, 1993, с. 128]. Эта роль А как компонента синтаксиса текста была исследована на диалектном материале пермских говоров в статье В. А. Мишланова [Мишланов 1993].

На нашем материале это наблюдение полностью подтверждается. Мы отметили большое число случаев с инициальным А, связанным с переходом к новой теме в утвердительных высказываниях:

- 1) А ведь я по сплаву-ту ходила, дак вот знаешь, осеней... (Кир.).
2) А это опять после, корову зарезали, а из шкуры сапоги нашили (Кир.).
3) А когда ехали в Бразилию, то некоторые проезжали, и их завезли <...> в Америку (Орег.).
4) А учителя хороши были (Орег.).

Так и в вопросительных высказываниях:

- 5) А после придешь? (Калуж.).
6) А где ж Иван-то? (Липецк.).
7) А в Москвы-то у вас спокойно жить-то теперь? (Арх.).

- 8) *А как в магазине-то не ворует денег кто?* (Арх.).
- 9) *А пошто, говорить, русски-то не гонят ихных?* (Арх.).
- 10) *А голоду-ту в Москвы нету?* (Арх.).
- 11) *А дак ее пить?* (Арх.). *А хлеб у вас сколько стбут?* (Арх.).
- 12) *А вы на ферму ходите?* (Арх.).
- 13) *А вы, возможно, голодные ишишо?* (Орег.).

Во всех этих случаях переход к новой теме выражается содержательно и интонационно. Однако А-коннектор может связывать и две части сложного предложения, которое соответственно оформляется и интонационно:

- 14) *Слезли мы, а так, прямо, две линии идуть* (Липецк.).
- 15) *На себе ведь пахали. Пашут, а мы соберемся вот пять баб нас, и плуг держит один старик, а мы на веревках вот тёнем* (Кир.).

Здесь первое А – тоже коннектор внутри сложного предложения.

3. 6. Во многих случаях диалогические реплики вопрос-ответ связываются повтором начальной частицы А, и в таких случаях А становится как бы **эхо-частицей**:

- 1) Это в обед. А утром? – *А утром мы идём, всё* (Кир.);
в речи старообрядцев:
- 2) А внуки есть? – *А мнуки почти уже не говорят по-русски.*
- 3) А семьи ваши где же были? – *А наши семьи остались на месте.*
- 4) А чем вы питались тогда, когда шли? – *А что Бог дас(т).*
- 5) А как вы веяли? – *А у нас, где в Алтае мы жили, там были веялки.*
- 6) А клуня, это что? – *А крыша такая.*

3. 7. Так же, как и в текстах литературного языка, исследованных Трёстеровой [1993, с. 129], в диалектах А широко используется для парцелляции текста. В речи старообрядцев:

- 1) *Там, рядом, как раз это подле этого проходил императорский трахт. Вот здесе-ка Лоб-Нор, а здесь Кока-Нор, а императорский трахт... вот ты посмотришь на карте.*
- 2) *Там это, лето короткое, и осенью молотить нельзя было, обмолачивать. То, значит, его складали там в клади, а потом зимой, когда он застывал, он мёрзлый, стылый, молотили. А потом, когда весна приходила, то его весь пересушивали.*
- 3) *Сыновья, зятели на фронте боятся, а тут давай расправляться с семейными. Нас семей тридцать собрали и сослали в*

этом, в Кульжу. <...>. А тогда эти изменили. Значит, перешли на сторону этих казахов.

Мы полагаем, что во всех перечисленных выше случаях употребление союза и частицы А не отличает диалектную речь от литературной. Диалекты в этом отношении также не различаются между собой.

3. 8. Однако возможно и особое употребление инициальной частицы А в диалектах.

В говоре д. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл. мы отметили А при обращении:

- 1) Тогда маляриею болела. Три раз нá день забирала <...>. Пришла к фершалу: "Шо ты, Рóдина?" (Родина – фамилия информанта). – А родименький, да как же мне мучиться?
- 2) Бригадир мне: "Шо ты лежишь? Надо на работу итить!" – А Павлик, лежу!

В этом же говоре встретились следующие примеры:

- 3) Говорю: Скоко заплотине за веревку? – Полпуда. – Думаю: А быть по тому!

- 4) Эх, лапти худые, онучек нету, суконочек нету, кое-шо на ногу нааэрнешь, а ладно, надо итить!

Отличие этих примеров от соответствующих литературных – интонационное: в говоре А произносится в обоих случаях без акцента и без паузы перед следующим словом. В письменной передаче литературного произношения таких примеров после А следовало бы поставить запятую. Такое А в литературном языке – междометие, тогда как в говоре – частица.

В говоре Верхней Золотицы Приморского р-на Архангельской обл. инициальная частица А может сближаться по функции с модальной частицей ДА литературного языка:

- 5) –В Москве всё дорого. – А как не дорого!
- 6) – А вы тоже берете молоко на ферме? – А брали. Раньше-то може там же.
- 7) – Может быть, она привезет? – А како там привезёт!

4. Союз НО, как уже сказано выше, широко употребителен в диалектной речи лишь в говорах старообрядцев. Объясняется это у старообрядцев ситуацией диглоссии, когда бытовая сфера жизни обслуживается диалектом, а религиозная – церковно-славянским языком. Сами старообрядцы определяют эти две языковые системы как “гражданский” язык и церковный, считая их одним русским

языком. У старообрядцев Орегона, живущих в иноязычном окружении, это восприятие церковно-славянского и русского языков как одного языка, но распределенного по разным функциональным сферам, обусловлено еще и противопоставлением их английскому, оказывающему воздействие на родной язык. При этом церковно-славянский язык осознается старообрядцами как более престижный, поэтому единицы этого языка легко могут переноситься в бытовую речь. Мы отмечали, например, такие лексические заимствования из церковно-славянского, как

Дондeже не пошел в школу, хорошо говорил по-русски;

Отроки играют в футбол (впрочем, возможно, что *отрок* 'ребенок' – сохранение в диалекте исконно русского слова [см. Фасмер 1964–1973, т. 3, Черных 1993, СРНГ, вып. 24]);

Ничего он не обряцет;

словообразовательные:

спонсырь;

фонетические:

спорадическое употребление [γ] в речи старообрядцев среднерусов. Влиянием церковно-славянского языка объясняется и появление в речи старообрядцев союза НО.

4. 1. В большинстве случаев НО выступает в **противительно-ограничительном** значении:

- 1) – А индеек не разводили? – *Есь, есь. Но мы не держали.*
- 2) *Дедушка станет на коленки к вороху и в две лопаточки, и пошёл* (веять зерно). *Но мы это уже ничего не видали.*
- 3) – А дома как ставили там? Деревянные были дома? Или нет? – *Деревянные <...>. – Но не везде были деревянные. Во многих местах были кирпичные.*
- 4) *Как от родителя я слыхал, у их раньше углы обшивали тёсом, там их закрывали, то это можно было. Но тут если пять лет домостоял, то это уже углы гнилые.*
- 5) *Было. Видал. Но очень редко. – Но я не видел.*
- 6) *Делали ешо (ещё) это, по сту спонов ложили. Просто как сразу для воза. Но я забыл, как называли. Было название. От отца слыхал, что, значит, вот оне сложут его здесь, а потом, когда подъезжают на телеге, значит, постелют палаточку, чтоб зерно мимо не пало, и – на телегу. Но это он так нам показывал только, ино говорил, что это так называтца. Но тут не делали.*

7) – А кто-нибудь из ваших вообще кончал колледж, вот из детей старообрядцев здешних в Орегоне есть такие, да? – *О, сейчас их сильно много.* – Но они не ходят в русские колледжи, в американские. – Но их не так много колледжей.

8) *Теперь уже на хмели русских очень мало работает.* А мексиканы... Но есть ишо руски-ти женщины работают-то. А что ягоды – теперь уже большинство мексиканы берут. Но токо женщины, которые мужья работают, так женщины дома наблюдают за рабочими.

9) – Так может быть, даже высекать-то (огонь) редко приходилось? Но только може когда у кого потухнет. В этом примере НО противопоставляет следующее за ним высказывание предполагаемому пропущенному члену: *Да, приходилось, но...*

10) *И вот там речушка проходила, но она так большенькая.* Здесь большенькая противопоставляется значению уменьшительности в слове *речушка*.

4. 2. Гораздо реже встретилось нам НО в **противительно-уступительном** значении:

1) *Там, как бы сказать, наши не так уж шибко близкие, но родичи.*

2) *Одна вышла за турчанина <...>. Но оне, это, согласие-то наше, беспоповцев также.*

3) *Оне ("турчане") говорят хорошо по-турецки, но мало ввели, очень мало (турецких слов в свой язык).*

4) *A в четвёртом классе учился, тут уж молодая учительница, но она ишо из этих, от старых учителей.*

4. 3. Всего один пример отметили мы с НО в **противительно-вместительном** значении:

А у нас спички не зажигают. Но у нас наждак стоит, тоже железяку подставят такую, и электропышет.

4. 4. Редки примеры и с НО в **противительно-присоединительном** значении:

1) *Они поморсы <...>. Я ходил в ихну сэркву молиться. Но они уже службу служили на́дворе <...>, потому что молодежь уже переходила больше на английское, а старшие ишо по-русски.*

2) *Пробовали здесь по-русски учить. Значит, они сразу нам пошли навстречу, разрешили классы. Но учителей дают своих.*

3) *Знаете, форель или ленок, это такая горная, <...> с пётышками рыбка, но она хорóша.*

- 4) В сёлах жили это украинцы эти, или хохлы ли. Но хорошие люди были, говорят.
- 5) Ейна сестр́а выходила взамуж, я жил в Кливелáнде (Кливленде), а эти жили в Нивóрке (Нью-Йорке). Но она только приехала с Югославии, ейна сестра выходила за моего друга.

5. 1. В значении **противопоставления** в говорах может употребляться НУ, которое в литературном языке квалифицируется как междометие или частица, а в диалектной речи может функционировать и как союз. В этом случае НУ интонационно и акцентно не выделяется. Ср. :

- 1) Девка на личность хорошая, ну маловата (Курск.).
- 2) А станция от посёлка далековато. Ну, с километр, а может, там больше, ну я не знаю точно. Ну далековато (Липецк.) (в значении противительного союза здесь только последнее *ну*).
- 3) Ой, така хороша была церква, ой. <...> Триста лет вот ей, этой церкви. Дак мы ведь... я деньги еще платила. Ну правда, тем деньгам-то еще платила (Кир.).
- 4) У меня был подкормок нынче, бык, продержала. Ну правда, я его дёшево сдала (Кир.).
- 5) – А обувка какая была? – Лапотщи. Ну были же у кого валенки, дак это носили получше-то люди-то дак (Кир.).
- 6) Ели плохо, кормили нас – пятисотка. Ну я ее не ела, пятисотку, я всегда двести грамм добавошного получала (Кир.).
- 7) Так и жили все люди плохо. Ну всё же которы-то маленько мужики на заработках, дак купят карасина-т, уж эку-ту лучину не жгли (Кир.).
- 8) Всё это там был, эти годы-то. Сколь не все, ну сколь-то был (Кир.).

В речи старообрядцев:

- 9) Оне (дети) понимают по-русски, ну говорить очень чижало.
- 10) Насыпают, значит, землю, мешают с песком. Так, красные глины. Начинают околачивать. Она (печь) такая полусырая, ну не сырья.
- 11) Грядка ставилась, да? А тут как она крепилась? – От стены и до стены – Ну грядку делали, у кого полати есть.
- 12) Очень интересно тут это, славно. Ну это такая, как бы сказать, политика вот своего рода, что, может, они не так уж хороши.

В некоторых случаях [у] в этом союзе можно было бы объяснить регрессивной ассилиацией [о] звуку [у] в следующем слове:

13) *Тяжельше было работать, ну лучше было, чем час* (сейчас).

14) – А семьи ваши где же были? – *А наши семьи остались на месте <...>. Ну у меня отца убили* (в) сорок пятым году, а мать, ка(ж)ется, в пятьдесят втором году уже уехала в Россию.

Однако НУ вместо НО может употребляться даже в одном и том же фрагменте текста и при наличии условий ассилияции, и при их отсутствии:

15) *Они* ("харбинцы") говорят: *поехал по сено. Ну у нас говорили <...> по воду <...>, за сёном. Ну б[ъ]льшинство говорили: по воду.*

5. 2. В речи старообрядцев встречается частица НО в том значении, в котором в литературном языке употребляется частица НУ, – без значения противопоставления. В некоторых случаях [о] в этой частице может быть объяснено ассилиацией [у] гласному неверхнего подъема в первом слоге следующего слова:

1) – *Умерла вот месяцев шесть-семь тому назад <...>. – Больше года. – Больше? Но о'кей, пушай по-твоему.*

2) – А вот если стоит несколько снопов рядом, это всё вместе имело какое-то название? – *Но вот кучи и суслоны.*

3) *А один* (сын) опять женился это, шесть месяцев что ли они прожили. *Но вот поедете, так посмотрите карточки.*

4) – А скажите, пожалуйста, а внуков сколько у вас всего? – *Ой, не сосчитать <...>. Наверно, сорок с лишним. Вот мы... Но вот, если заедем* (ко мне домой), тогда... (можно посчитать по фотографиям).

5) – А что в сенях было? – *Но [а]быкновенно что-нибудь, или вовсю оставляли, ишо такое вот.*

6) *Гонтам когда жили мы* ("харбинцы") *на востоке, а эти были на западе, что ли, они вот тут эти синьцзяньцы. Но не знаю как, а в России, ишо когда-то там деды или отцы, оне вместе там жили.*

Однако встречаются случаи употребления НО в роли частицы без противительного значения и вне этих позиционных условий:

7) *И что-то, то ли судорога стянула или что-то с сердцем, – закричал: "Я тону!" <...> А эти переплыли, значит, друзья: "Но ты, дескать, не пугай нас и, сказать, не балуйся". <...> Но и подплыли это.*

Таким образом, употребление НО и НУ в говоре старообрядцев четко не разграничено. Возможно, это неразграничение восходит к

глубокой древности [см. Фасмер 1964–1973, т. 3, с. 77, Черных 1993, т. 1, с. 574, СлРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 392].

6. Для выражения значений, присущих союзам А и НО, в языке старообрядцев могут употребляться составные союзы НО А и А НО.

I. НО А:

- 1) *Конешно, несколько семей их там коренных давно жили, на Дальним Востоке. Но а многие уехали из этих краёв.*
- 2) *У Ксении сыновья, они все были в колледже, но а Дмитрий не был.*
- 3) *Ближе был Мудодзян город, но а Харбин – это он был, как он раньше был международный город, и вообще-то много русских.*
- 4) *– Семнадцать километров по Кому до границы. – Но а там это на Кобе-то там скоко, километров сорок было, не больше?*
- 5) *А эти переплыли <...>. Но а потом видят, что он уже барахтается так <...>.*
- 6) *(Эта женщина) два-три месяца тому назад померла. Или в прошлом году? А дошь-то ещё жива, в Нью-Йорке. Но а эта женщина, скоко ей, наверно, было уже под девяносто лет уже, умерла вот месяцев шесть-семь тому назад.*

II. А НО:

- 7) *А церковную грамоту учат они? – Да. – А но это (в)от толькё так, отдельно.*
- 8) *(Дети) хай-скул кончают, а но калледжи-то не.*

Существует мнение, что в литературном языке в НО А союзом является только НО, а А представляет собой “конкретизатор”, который “не поддерживает собственно противительную семантику союза”, а подчеркивает “добавочный, присоединительно-распространительный характер” значения [Грамматика 1980, т. 2, с. 625]. В приведенных выше диалектных примерах именно А можно рассматривать как основную часть этого двучлена, тогда как НО может сближаться по значению с частицей НУ. Возможно, это НО и является фонетической модификацией НУ, в которой гласный понижен по подъёму в результате регрессивной ассимиляции перед следующим А.

7. НО может не иметь противительного значения, а выступать в качестве **коннектора – межфразовой прослойки**. В этих случаях в литературном языке вместо НО могла бы быть употреблена одна из частиц: А, И, ДА – либо частица могла бы вообще отсутствовать:

1) *А когда ехали в Бразилию, <...> они пароходом ехали, да, первая группа, а их завезли в Америку. А тут эти молоканы очень это... Ну там по телевизору показывали, что беженцы, тому подобное это. Но встретили и очень подарки большие сделали это. Но кто, значит, здесь побывал, адреса набрали там. Но это, пожили там, нешибко это так понравилось. Стали списываться, и потом, как спонсырь отсюда, и вот это... Сперва немножко уехало, а потом, значит, стали хвалить, что хорошо. Но действительно, тут хорошее место.*

2) *Я был сильно против вот Америки. – Почему? – Но видите, как бы сказать, страна роскошна, да это просто недопонимал.*

3) *– Вы говорите, у вас не величают по отчеству, да? – Но молодых не, не это... Так, может, пожилых только, а молодых нет. Просто на имя зовут и всё.*

8. НО может употребляться и как эхо-частица:

– Но они понимают вас, когда вы говорите? – *Но понимают.*

9. В некоторых случаях НО близко по значению к отрицательной частице НЕТ:

1) – А Вера Краскова вам приходится родственницей? – *По матери.*

– По матери, да? – *Но, по мужу она приходится. По мужу. А мужева мать... Моя бабушка, родная отцова мать, и Вериная мужа мать сестры были.*

2) – А дядя там жил ваш, да? – *Но они жили тут, в этом, Казахстане.*

В первом из этих примеров НО интонационно выделено, представляет собой отдельную фонетическую синтагму. Во втором примере такого выделения нет, хотя значение отрицания очевидно. Возможно, такое употребление 'НО' вызвано влиянием на язык орегонских старообрядцев английского языка, которое мы отмечали на разных уровнях их языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

Апракос 1983: Апракос Мстислава Великого. М., 1983.

Грамматика 1980: Русская грамматика. Т. I-II. М., 1980.

Зализняк 1995: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Мишланов 1993: Мишланов В.А. Коннектор А в современных пермских говорах // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1993.

- Санников 1989: *Санников В.З.* Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–31-. А–П-. М., Л., СПб., 1965–1997-.
- СлРЯ XI – XVII вв.: Словарь русского языка XI – XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов, Г. А. Богатова. Вып. 1–23-. А–С-. М., 1975–1997.
- Трёстерова 1993: *Трёстерова З.* К употреблению А в роли текстового коннектора // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1993.
- Фасмер 1964–1973: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Черных 1993: *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1993.
- Янин–Зализняк 1986: *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

В. С. Ефимова

НЪ И ДРУГИЕ СОЮЗЫ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ

Цель настоящей работы – обратить внимание на особенности употребления союза *нъ* в так называемых классических старославянских рукописях и на место его в кругу других старославянских сочинительных союзов – *а*, *и*, *ти*, а также частицы в функции союза *же*. В данной статье мы рассматриваем употребление союзов в сложносочиненных предложениях, а также в качестве абсолютно инициальных союзов. Нас интересовал поиск значения союзов в “чистом” виде, поэтому случаи употребления с дополнительными союзными или лексическими средствами не анализировались.

Известно, что в классических старославянских рукописях (т. е. древнеболгарских рукописях X–XI вв.) представлена наиболее древняя (если иметь в виду тексты достаточно большого объема) фиксация славянской речи. В то же время почти все старославянские тексты являются переводами с греческого. Таким образом, хотя со времен исследования Слоньского [Słoniński 1908] и принято говорить о превалировании исконно славянского в старославянском синтаксисе, все же зависимость его от греческого бесспорна, и исследователи, занимавшиеся специально синтаксисом старославянского языка – Ружичка, Бирнбаум – недаром писали даже о смешанном – греко-славянском – характере его поверхностной структуры [Ружичка 1966; Бирнбаум 1968, с. 54]. Ввиду этого обстоятельства анализ конкретного старославянского материала требует обязательного сопоставления с греческим оригиналом, так как, как будет показано ниже, на выбор союза в старославянском предложении влияла не только структура предложения в греческом оригинале, но даже и отношение к греческому оригиналу переводчика (или писца), его “переводческие принципы”.

Желательным, хотя и труднодостижимым, условием анализа должно бы быть различие как характерных для собственно славянской речи случаев употреблений интересующих нас союзов, так и возникших под влиянием греческого оригинала. Интересные

результаты в этом отношении дают сопоставления разных старославянских рукописей, содержащих перевод одного и того же греческого текста. Еще в конце XIX в. русскими палеославистами отмечалось стремление древних книжников, начиная со свв. Кирилла и Мефодия, соблюдать однозначное соответствие “определенное греческое слово – определенное старославянское слово”, поэтому, видимо, особого внимания требуют случаи нарушения обычных соответствий или, наоборот, следование этому принципу формально вопреки требованиям смысла.

Как несомненно славянская выявляется тенденция к предпочтению в славянском переводе употребления союза в начальной позиции второго компонента сложносочиненного предложения в ущерб конструкции с выделением частицей начального слова второго компонента. Эта тенденция чаще всего проявляется при употреблении союза *α*. При том, что обычно в старославянских текстах союз *и* чаще всего соответствует греч. *καί*, союз *ν̄* – *ἀλλά*, частица *же* в функции союза – выделительной² частице *δέ* (реже другим выделительным частицам), союз *α*, как правило, переводит *καί*, и *δέ*³. Несмотря на то, что старославянский язык имел возможность точно следовать греческой конструкции с *δέ* при помощи частицы в функции союза *же*⁴, один и тот же греческий текст в разных рукописях мог быть передан как с *же*, так и с *α*. Ср., например, текст из гомилии Иоанна Златоуста о предательстве Иуды в Сборнике Клоца и в Супрасльской рукописи:

нічесоже іного ненавідітъ єъ ѿко же того іже дръжітъ гнѣвъ... оубо

¹ Так, по нашим наблюдениям, в старославянских Евангелиях сущ. *βεστέδα* ‘речь’, синонимичное более употребительному *глаголь*, соответствует только греч. *λαλιά*, тогда как *глаголь* – *ρῆμα*, *τὰ ρῆματα*. В других старославянских рукописях *βεστέда* встречается в соответствии с *ρῆμата*, *ρῆσις*, *όμιλία*, *ἐντευξίς* и др. Имеются и другие подобные наблюдения, хотя проблема в целом нуждается, видимо, в специальном исследовании.

² Сознательно пользуемся термином *выделительная частица*, а не более привычным *эмфатическая частица*, так как термин *эмфатический* “скомпрометирован” экспрессивностью, тогда как речь идет именно о выделении. Как справедливо заметила Т. М. Николаева, “эмфатические” частицы далеко не всегда экспрессивны [Николаева, 1985, с. 77–78].

³ Союз *ти* – малочастотный, встречается в основном в текстах, связанных с Преславской школой письменности.

⁴ А. Вайан считал даже старославянское *же* калькой греч. *δέ* [Вайан 1952, с. 401].

мира ради и си жрътва б^гы тъ же не исправлеші міра... Клоц 9а 24

— ...съмиренія бо да съ братомъ и си жрътва . а тъ же не исправиши міра... Супр 423,2

— ...діа γὰρ τὴν εἰρήνην τὴν εἰς τὸν ἀδελφόν [σου] καὶ αὕτη ἡ θυσία... σὺ δὲ οὐ κατορθοῦς τὴν εἰρήνην... в греческом оригинале⁵.

Вместо выделительной постпозитивной греческой частицы может быть употреблен и другой союз (но гораздо реже). Так, далее тот же текст продолжается следующим образом:

без оұма са прічаштаеші жрътвѣ . і исправленъе непользъно ти б^гы.
Клоц 9а 25

— томоу причастакши са жрътвѣ . нъ не разоумно ти исправъеник
бысть. Супр 423,4

— εἰκῇ μετέχεις τῆς θυσίας· ἀνόνητον γάρ σοι τὸ κατόρθωμα γέγονε (не
разоумно здесь, видимо, вследствие смешения греч. ἀνόνητος ‘бес-
полезный, напрасный’ и ἀνόητος ‘неразумный’).

Показательны также замены постпозитивных частиц на союзы в начальной позиции при редактировании текста Апостола⁶. Так, в I Кор 13,2 постпозитивное же первоначальной редакции, соответствующее δέ греческого оригинала, при последующем редактировании заменяется на начальный ти:

καὶ ἔὰν [κὰν] ἔχω πᾶσαν τὴν πίστιν ὥστε ὅρη μεθιστάναι [-σωμат,
-νειν] ἀγάπην δὲ μὴ ἔχω, οὐθέν εἰμι.

— и аще имамъ всю вѣръ . тако и горы представлати . любъве же не
имамъ . ничтоже есмъ . Толк, Охр, Карп

— и аще имамъ всю вѣръ . тако и горы представлати . ти любъве не
имамъ . ничтоже есмъ . Толст;

в I Кор 15,32 постпозитивное бо заменяется на начальный а:
φάγωμεν καὶ πίωμεν αὐριον γὰρ ἀπόθνήσκομεν.

— гдимъ и пнимъ . оутро бо оүмремъ . Толк, Карп (оутрѣ бо Слепч)

⁵ Греческий текст цитируется по изданиям: Dostal A. Clozianus. Praha, 1959; Займов Й., Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. При обращении к греческому оригиналу Евангелия и Апостола мы пользовались доступными нам изданиями: Nestle E. Novum Testamentum graece. Stuttgart, 1950; Merk A.S.J. Novum Testamentum Graece et Latine. Romae, 1984; Архим. Амфилохий. Карпинский апостол. Т. 2, ч. 1. М., 1885. Разнотечения указываются в квадратных скобках.

⁶ Хотя собственно старославянские рукописи Апостола практически не сохранились (только отрывки в Синайском евхологии и Енинском апостоле), следы старославянских редакций отражены в более поздних списках.

— **тадимъ пъемъ . а оутрѣ оумрѣмъ.** Толст⁷ .

Замечательно, что при сравнении старославянских евангельских кодексов перевод с **а** на месте греч. δέ чаще находим в Савиной книге, известной и другими приметами более свободного перевода (или, скорее, редактирования с установками более свободного отношения к греческому оригиналу), в то время как другие кодексы сохраняют вариант с **же**. Ср., например:

Мф 14, 32–33: καὶ ἀναβάντων αὐτῶν εἰς τὸ πλοῖον ἐκόπασεν ὁ ἄνεμος· οἱ δὲ ἐν τῷ πλοίῳ προσεκύνησαν αὐτῷ...

— **и вълѣзъшема има** (речь о Иисусе и Петре) **въ корабъ прѣста вѣтъръ . сжштен же въ кораби пришедъше поклониша сѧ емоу** Мар, Зогр, Ас

— **и вълѣзъшио емоу** (речь о Иисусе) **въ корабъ оуглеже вѣтъръ . а сжштеи въ кораби поклониша сѧ емоу** Сав 41.

Или:

Мф 19,8: λέγει αὐτοῖς· ὅτι Μωϋσῆς πρὸς τὴν σκληροκαρδίαν ὑμῶν ἐπέτρεψεν ὑμῖν ἀπολῦσαι τὰς γυναικας ὑμῶν· ἀπ' ἀρχῆς δὲ οὐ γέγονεν [οὐκ ἐγένετο] οὕτως.

— **Гла имъ . єко моси по жестосрѣдю вашемоу повелѣ вамъ . отъпогустити женты ваша . искони же не быстъ тако** Мар

⁷ Видимо, с этой же тенденцией связано распространение в старославянских текстах явление, называемое “цепочечное нанизывание” (на материале древнерусского языка это явление было описано Р.Б.Кершине и М.Н.Преображенской [Структура предложения 1983, с. 108–119]). Показательны те случаи, когда эта тенденция проявляется вопреки конструкциям греческого оригинала. Например, в следующем отрывке из Жития Павла и Улианы из 4-х и только 2 употреблены на месте греч. καὶ, одно и добавлено и еще одно употреблено на месте греч. δέ:

Αὐτίλλιανὸς ἐκέλευσεν ἐνέχθηναι ξύλον μέγα, καὶ ἤνέχθη. Καὶ προσέταξεν δεθῆναι τὸν Παῦλον εἰς αὐτό. Προσέλθόντες δὲ οἱ δῆμοι ἔδοσαν αὐτῷ τὰς χεῖρας...

— **И повелѣ агрилананъ принести дрѣво велико . и принесено бѣсть . и рече . приваджате пауда на немъ . и пристжпише слѹгы съвазаша кмоу ржцѣ...** – Супр 12. Еще один отрывок из того же Жития особенно убедителен тем, что содержит ошибку переводчика (или, скорее, редактора) – лишнее слово **бъвъша**, которое он вводит как бы подложивая задним числом славянский перевод под греческий оригинал: ἀποχωρισθεῖσαν τοῦ Ἀδὰμ εἰς ἔτερον μέρος τοῦ παραδείσου ἡπάτην ἐνδυσάφενος ὅφιν: καὶ αὐτὴ ἡ γυνὴ ἡπάτησεν τὸν ἄνδρα. Ἀμφότεροι δὲ ἐν παρακοῇ θεοῦ γενόμενοι ἔξεβλήθησαν ἔξω τοῦ παραδείσου τῆς τρυφῆς...

— **отължчишоу во сѧ адамоу на оно мѣсто породы . и еугж иднїх оставившоу . пристжпи днаволь . и оуподобиивъ сѧ змиі прѣльсти ык . и та жена прѣльстн адама . и вѣаста сеа въ прѣслѹшаниі вжин бъвъша . и ізг҃нана бѣста ис породынъм пнштд** – Супр 9.

— гла имъ Гс . по жестосрдию вашемоу . повелѣ вамъ поустити жены
ваша . а испрѣва не бысть тако Сав 43.

Характерно, что Ассеманиево евангелие (другой старославянский апракос) в выборе наречия *испрѣва* (дублета *искони*) согласуется с Саввиной книгой, но в выборе союзного средства и соответствующей синтаксической конструкции следует греческому оригиналу: ...*испрѣва же не бы* ^{ты} *тако* Ас 44а.

Очевидно, что греческий оригинал должен был влиять на семантику старославянских союзов, однако следует ожидать в старославянских рукописях и следов “противодействия” этому влиянию. Так как все интересующие нас союзы имели в старославянском языке общие семантические зоны, выбор союза при переводе мог подчиняться как греческому влиянию, так и следовать собственно славянской семантике. Имея в виду это обстоятельство, при анализе значений исследуемых союзов желательно различать типичные, характерные случаи их употребления и случаи периферийные, возможно носящие на себе признаки влияния греческого оригинала.

Учитывая вышеизложенное, перейдем к анализу употребления в старославянских рукописях союза *нъ*, рассматривая его семантику в сопоставлении с семантикой других сочинительных союзов. Если судить по данным Старославянского словаря 1994 г., союзы *нъ* и *а* следует считать чуть ли не синонимичными, так как первые два значения этих союзов (т. е. основные, наиболее распространенные значения) он определяет одинаково: “1. противительный”, “2. присоединительный” [Словарь 1994, с. 63, с. 384]. Из данных этого же словаря явствует, что союз *нъ* в старославянском языке более частотный, чем *а*: словарь указывает количество употреблений — более 700 для *а* и более 1000 для *нъ*. Однако эти данные приводятся в указанном словаре для всех старославянских рукописей *суммарно*. Если же взять, например, Супрасльскую рукопись, содержащую 48 произведений агиографического и гомилитического содержания, то в ней насчитывается 691 употребление союза *нъ*, и только 298 употреблений союза *а* — т. е. *нъ* встречается более чем в 2 раза чаще⁸. Очевидно, что частотность *нъ* связана с характером содержания рукописи. Действительно, в евангельском тексте, более простом по содержанию и стилю, союз *а*, по нашим наблюдениям, встречается

⁸ Подсчеты произведены по Словоуказателю К. Майера [Meyer 1935].

практически наравне с нъ. Союз и, судя по данным того же Словаря, наиболее частотен (более 17000 употреблений), но основное его значение определяется как “*соединительный*” [Словарь 1994, с. 242–243], и нас он интересует постольку, поскольку в одном из своих значений он взаимозаменяем в разных старославянских списках одного и того же текста с союзом а.

Специфическим содержанием старославянских рукописей, которое составляют, в основном, различные поучения, толкования, рассуждения, обусловлено большое количество случаев различных сопоставлений – простых, контрастных, противопоставлений, где союз выступает в довольно обширной и неоднородной семантической зоне, которую в зарубежной литературе обычно называют *смысловой оппозицией* (semantic opposition) [Lakoff 1971, р. 133; Карлсон 1986, с. 279]. В русском языке в таких случаях нормально употребление союза А. (Союз НО возможен, видимо, только на периферии нормы, с особой стилистической окраской – сугубой книжности). В старославянском “смысловая оппозиция” – общая семантическая зона для союзов а, нъ и и.

Для союза и значение смысловой оппозиции можно считать периферийным, так как употребление и в этой семантической зоне ограничено относительно небольшим числом случаев, при этом в различных списках могут наблюдаться колебания в выборе союза и – а. Например, в И 16, 32:

ιδού ἔρχεται ὥρα καὶ ἐλήλυθεν ἵνα σκορπισθῆτε ἑκαστος εἰς τὰ ἴδια κάψε μόνον ἀφῆτε·

— се градетъ година . и нынѣ приде . да разидетъ сѧ кѫждо въ своѣ . и мене единаго оставите . Зогр, Мар, Ас.

В Саввиной книге употреблен союз а:

се градетъ часть . и нынѧ приде . да разидетъ сѧ кѫждо въ свога . а мене единаго остављете . Сав 140b.

Или в Л 14,11:

ὅτι πᾶς ὁ ὑψῶν ἔαυτὸν ταπεινωθήσεται· καὶ ὁ ταπεινῶν ἔαυτὸν ὑψωθήσεται.

— єко всѣкъ възносали сѧ съмѣритъ сѧ . и съмѣрѣши сѧ възнесетъ сѧ Мар, Зогр, Ас, Сав.

Ср. аналогичный текст в Л 18, 14, где в Маринском, Зографском и Ассеманиевом списках также употреблен союз и, а в Саввиной книге – союз а, что, возможно, было более естественным для славянской

речи (вспомним о признаках более свободного отношения к греческому оригиналу в этой рукописи!):

тако възноса сѧ съмѣрѣетъ сѧ . а съмѣрѣлі сѧ . възноситъ сѧ . Сав 65 b.

— ѳти πᾶς ὁ ὑψῶν ἐαυτὸν ταπεινωθήσεται· ὁ δὲ ταπεινῶν ἐαυτὸν ὑψωθήσεται.

Возможно, что первоначальный перевод этого чтения точно следовал в конструкции греческому оригиналу и использовал частицу-союз же, так как, хотя этот вариант и не дошел до нас в классических старославянских рукописях X–XI вв., именно его находим в древнейшем списке XII в. Учительного евангелия Константина Преславского, содержащего, по наблюдениям палеославистов (в частности, А. В. Михайлова [Михайлов 1895, с. 109], затем И. Добрева [Добрев 1983, с. 8–9]), и некоторые другие более архаичные части текста, чем даже в классических старославянских списках:

въсѧкъ во рече възноси сѧ съмѣрїтъ сѧ . съмѣрїти же се възнесеть сѧ .⁹

Нельзя исключить возможность, что подобные случаи употребления союза и возникли под влиянием греческого оригинала и их следует объяснять диапазоном значения греч. καὶ [Liddell–Scott 1940, p. 857; Дворецкий 1958, с. 855], однако можно найти примеры, когда и употреблен и не на месте греч. καὶ (если только в таких случаях в качестве оригинала писцом не использовался греческий список, не учтенный нами, но содержащий греч. καὶ). Ср., например, И 16, 20:

ἀμὴν ἀμὴν λέγω ὑμῖν ὅτι κλαύσετε καὶ θρηνήσετε ύμεῖς, ὁ δὲ κόσμος χαρήσεται.

— аминь аминь глаголъ вамъ . Ѳко въс(п)лачете сѧ и въздрыдаа[а]те вты . и миръ въздрадоѹгътъ сѧ . Мар

— ...тако въсплачете вты сѧ и въздрыдаете . а миръ въздрадѹетъ сѧ . Сав 105 b; ... а въсь миръ... Зогр (влияние неизвестного нам греческого оригинала здесь вполне возможно — ср. также употребление в Мариинском списке глагола во мн. ч. въздрадоѹгътъ сѧ на месте греч. χαρήσεται).

⁹ Часть текста Учительного евангелия Константина Преславского была издана архим. Антонием в конце прошлого века. Текст цитируется по изданию 1895 г. [Антоний 1895, с. 230].

В случаях употребления и в указанном значении отметим мену (и, следовательно, функциональную близость) союзов и и **а**, но не **и**.

Что касается союза **а**, то очевидно, что употребление его в переводе при сопоставительных отношениях – черта собственно славянская: конструкции с **а** соответствуют греческим конструкциям с союзом **καὶ**, с выделительной частицей **δέ**, а также (реже) бессоюзным. Типичные примеры с союзом **а**:

в греческом **καὶ**:

съсштии богословатъ . а старьци хоуглатъ . отроци благочестъно слоужатъ хвалж . а нечиистии жърьци зълѣ гнѣвајкъ са . Супр 324,5 и 7

– Θηλάζοντες θεολογοῦσι, καὶ πρεσβύτεροι βλασφημοῦσι, παῖδες εὐσεβῶς ἵερουργοῦσιν αἶνον, καὶ ἀνίεροι ἵερεῖς δυσσεβῶς ἀγανακτοῦσιν;

в греческом **δέ**:

лиси ъзвини имјтъ . и птица несктым гнѣзда . а сїнъ члвчскты не иматъ къде главы подъклонити – Мф 8,20 Мар, Зогр, Ас, Сав

– αἱ ἀλώπεκες φωλεοὺς ἔχουσιν καὶ τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ κατασκηνώσεις ὁ δὲ νιὸς τοῦ ἀνθρώπου οὐκ ἔχει ποῦ τὴν κεφαλὴν κλίνῃ. Сходно Л 9,58 Зогр, Мар, Ас, Сав;

нео и земли мимо идётъ . а словеса моть не мимо идётъ Мф 24, 35 Мар, Зогр, Ас 84с, Сав 47б

– ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσεται, οἵ δὲ λόγοι μου οὐ μὴ παρέλθοσιν;

в греческом бессоюзная связь:

АЗъ есмъ лоза а вты рождиен . И 15, 5 Сав 27б, Ас 94 д

– ἐγώ εἰμι ἡ ἄμπελος, ὑμεῖς τὰ κλήματα (в тетрах сохраняется греческая конструкция: **азъ есмъ лоза а вты рождиен .** Мар, Зогр).

Как видно из приведенных примеров, союз **а** появляется в таких предложениях, где “фокус внимания” (выражение, употребленное Т. М. Николаевой в частной беседе) перемещается с одного объекта сопоставления на другой, выделяя в конце концов одно слово во втором компоненте предложения. Ср. в приведенных выше примерах: во втором компоненте первого предложения первого примера выделяются **старьци**, именно на них акцентируется внимание сопоставлением с младенцами (сосущими грудь); в втором компоненте второго предложения первого примера акцентируются **нечиистии жърьци** сопоставлением с детьми; во втором компоненте второго примера выделяется **сынъ чловѣческы**, именно на нем акцентируется внимание сопоставлением с лисами и птицами; в

третьем примере внимание акцентируется на словах Иисуса (**словеса мо̄ъ**); в четвертом примере фокус внимания остановлен на учениках Иисуса в сопоставлении с самим Иисусом. Ср. также картину Преображения Господня в Мф 17,2, где союз **и** переносит фокус внимания на Его одежду:

ι πρέοβραζι σα πρέδη νιμι . ι προσψυτή σα λιπε εγο ἕκο σλύντηζε . α ριζη εго εγыша εблы ἕκο свѣтъ. Мар, Ас, Сав (в Ассеманиевом – ...ако снѣгъ в соответствии с греч. разночтением ως χιών)

– ...καὶ ἔλαμψεν τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ως ὁ ἥλιος, τὰ δὲ ἱμάτια αὐτοῦ ἐγένετο λευκὰ ως τὸ φῶς [χιών].

Наличие “выделительного” аспекта в значении союза **и** подтверждается и тем обстоятельством, что чаще всего он переводит греческую выделительную частицу δέ. Возможно также, что приведенные выше случаи перевода греческих предложений с союзом **καὶ** с сопоставительными отношениями старославянскими предложениями с союзом **и** упускали именно этот аспект значения, в то время как более свободный перевод в Савиной книге – перевод “по смыслу”, а не “по букве” – улавливал этот оттенок и “выбирал” союз **и**, т. е. по смыслу более точно¹⁰.

Следует отметить, что объекты сопоставления могут стоять в тексте довольно далеко друг от друга, и тогда союз **и** может иметь вид инициального союза. Например:

Фарисеи ставъ въ сеѣвъ молѧше сѧ . б҃же хвалж тебѣ въздай . ἕко нѣсмъ ἕко и прочин члѣви . χъщииници неправедииници . прѣлюбодѣи . ли ἕко съ мѣтарь . поштж сѧ дѣва краты въ соботж . десатиня дајк всего єлико притажк . а мѣтарь издалече стоя . не хотѣаше ни очию възвести на нѣбо . нѣ биѣше прѣси своим гла... Л 18, 11-13
Мар, Зогр, Ас, Сав

¹⁰ По нашему мнению, выделительный компонент присутствует и в семантике современного русского союза А. Так, Русская грамматика 1980 г. отмечает “акцентирующую функцию” у союза ЖЕ, отмечая при этом, что “чаще всего он выступает как семантический аналог союза *и*” [Грамматика 1980, с. 626]. Однако об “акцентирующющей функции” союза А ничего не говорится. Между тем русский союз А в “чистом” виде – без конкретизаторов, отрицания – часто может быть заменен на ЖЕ без изменения смысла – хотя не стиля, и не без отходов на переферию нормы, так сказать, в “церковный” стиль. – при этом, по нашему мнению, семантика выделения присутствует как в заменах с ЖЕ, так и в случаях с А. На наличие выделительного компонента в значении русского союза А указывают также, как кажется, и последние исследования интонации в сложносочиненных предложениях И. Фужерон.

— ὁ Φαρισαῖος σταθεὶς ταῦτα πρὸς ἑαυτὸν προσηύχετο... ὁ δὲ τελώνης μακρόθεν ἐστῶς...

В отличие от **и** союз **нъ** обычно употребляется при сопоставлении не отдельных слов (объектов), а ситуаций в целом (в русском языке здесь было бы нормально употребление союза **А**). Очевидно не случайно то, что для первого компонента предложений с **нъ** в этой функции характерно наличие отрицания: второй компонент как бы “раскрывает” то, что отрицается первым¹¹. Ср.:

и не εἴδας различия посрέдоу правед'яаго и грѣшиааго . нъ εἴδας прав'дивыи . Ѹко нечестивыи... Супр 9, 30

— Καὶ οὐκ ἦν διαφορὰ ἀναμέσον τοῦ δικαίου καὶ ἀναμέσον τοῦ ὄμαρτωλοῦ, ἀλλ' ἦν ὁ δίκαιος ὡς ὁ ὄμαρτωλός;

єда бранж ли пиштад . не бранж сего . нъ огчж лихъ мѣрты не втыти Супр 494,26

— ...Οὐ κωλύω τοῦτο, ἀλλὰ παραινῶ τῆς χρείας γίνεσθαι;
сн же ми не просто нынѣчоу речено . нъ да не гнѣвакмъ са на врагы... Супр 406,23

— Ταῦτα δέ μοι οὐχ ἀπλῶς νῦν εἴρεται, ἀλλ' ἵνα μὴ τοῖς ἔχθροῖς ὄργιζωμεθα;

не оумрѣтъ бо дѣвица иъ съпинъ . Зогр, Мар, Ас, Сав, Мф 9,24, сходно Л 8,52 (**нѣстъ оумрѣла...**)

— οὐ γὰρ ἀπέθανεν τὸ κοράστιον, ἀλλὰ καθεύδει.

Хотя в старославянских текстах чаще встречается употребление **нъ** при сопоставлении ситуаций (без смыслового выделения каких-либо слов), в ряде случаев находим **нъ** и при акцентировании отдельных слов. Ср.:

не нынѣ постыдітъ са ів..въ (Иаков) . **ні нынѣ ліца прѣложітъ ілъ .** **нъ егда оузырятъ чада ихъ дѣла мотъ .** Клоц 1а 10

— οὐ νῦν αἰσχυνθήσεται Ἰακὼ... ἀλλ' ὅταν ἴδωσιν τὰ τέκνα αὐτῶν τὰ ἔργα μου;

оно не зъло кже зъло страдати . нъ зъло кже сътворити зъло . Еже бо зъло страдати . цѣсарство во намъ небеснок исхаждак . а кже зъло сътворити . винно намъ вѣчноу огню и мжцѣ вѣваатъ. Супр 406,8

¹¹ Согласно наблюдениям Р. Б. Кершайене, в древнерусских текстах XI–XVII вв. употребление союза **ио** со значением противопоставления отмечено только при наличии отрицания в первом компоненте предложения [Структура предложения 1983, с. 161].

— ἐκεῖνο μὲν οὐ κακόν, τὸ κακῶς παθεῖν, κακὸν δὲ τὸ ποιῆσαι κακῶς. Тò мèн γàр κакôс πаθеîн... тò δé κакôс πоiῆсаi...

Обычно при сопоставительных отношениях (как и в других случаях) **и** переводит греч. ἀλλά¹². Иногда встречаются примеры перевода конструкций и с выделительной частицей δέ (возможно, это случаи более свободного перевода, с некоторым переосмысливанием текста). Ср., например, в И 14,10:

(λέγει αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς...) τὰ ἑρμata ἀ ἐγώ λέγω [λαλῶ, λελάληκα] ύμῖν ἀπ' ἔμαυτοῦ οὐ λαλῶ ὁ δὲ πατήρ [ό] ἐν ἐμοὶ μένων ποιεῖ τὰ ἔργα αὐτοῦ.

Во всех старославянских кодексах, кроме Саввиної книги – перевод в соответствии с греческой конструкцией с помощью частицы в функции союза **же**:

(сказал ему, т. е. Филиппу, Иисус...) глаголы же азъ глаголъ вамъ о севѣ не глаголъ . отъ же пребываюши въ мънѣ тъ творитъ дѣла. Зогр, Мар, Ас.

В Саввиної книге – более свободный перевод и употреблен союз **и**: Рече Господь своимъ оу(чен)икомъ . Глаголы же азъ глаголъ вамъ о севѣ не глаголъ . и въ дѣлъ живді и сді въ мънѣ . тъ творитъ дѣла . Сав 25.

Общей семантической зоной для старославянских **а** и **и** можно считать также употребление их в контекстах, которые принято называть “обманутым ожиданием”. Ср.:

бракъ оубо готовъ есть . а зъвании не вѣшал достонни. Мф 22, 8
Мар, Ас

— ὁ μὲν γάμος ἔτοιμός ἐστιν· οἱ δὲ κεκλημένοι οὐκ ἥσαν ἄξιοι.;
распьра же въстъ его ради . ини же отъ нихъ . хотѣхъ ати і . и въ никтоже не възложи на ии ржкъ. И 7,44 Сав, Мар, Зогр, Ас
— ...τινὲς δὲ ἦθελον ἐξ αὐτῶν πιάσαι αὐτόν, ἀλλ’ οὐδεὶς ἐπέβαλεν [ঢবালেন] ἐπ’ αὐτὸν τὰς χεῖρας.

В подобных примерах, при функциональном сходстве союзов в целом, также можно усмотреть разницу в оттенках значения. При употреблении союза **а** сохраняется семантика выделения – в нашем примере фокус внимания остановлен на “званных”, что в греческом оригинале подчеркнуто выделительной частицей δέ. При употреблении союза **и** наблюдается доминирование содержания второго компонента как целой ситуации – важно, что никто не решился

¹² В связи с этим для определения значения старославянского **и** представляется небезразличной семантика греч. ἀλλά, связанного происхождением с ἄλλος ‘другой’ – см. [Frisk 1954, S. 75, 76].

схватить Иисуса (о доминировании второго компонента при употреблении русского союза НО см. [Санников 1989, с. 151 и сл.]).

Во многих случаях союз **нъ** выполняет функции, совершенно не присущие другим старославянским сочинительным союзам. Оценивая употребление в них союза **нъ** как выражающее *противодействие* в широком смысле слова, выделим характерные для старославянских текстов типы контекстов:

прерывание или непродолжение действия.

Си въ притъчахъ глахъ вамъ . нъ придетъ година . егда оуже въ притъчахъ не глахъ вамъ. Сав, Мар, И 16,25.

Зависимость между компонентами предложения в таких случаях относительно слабая. В приведенном нами примере это подтверждается тем, что он переводит бессоюзную конструкцию греческого оригинала:

Ταῦτα ἐν παροιμίαις λελάληκα ίμιν ἔρχεται ὥρα ὅτε οὐκέτι ἐν παροιμίαις λαλήσω ίμιν... Ассеманиево евангелие следует в конструкции за греческим текстом:

— Си въ притъчахъ глахъ вамъ . придетъ година...

уступительность:

пришъдъше же покланѧхъ сѧ и . въпнижште и глаголжште . ноулиганик рабо ба въышнаго . съгрѣшихомъ прѣдъ тобој жродъскы . нъ простивъши ны яко блага Бога слоужителъница . помоли сѧ ҳсоу да подастъ намъ видѣнниа . Супр 3,19

— Οἱ μὲν οὖν τυφλωθέντες... λέγοντες “Ιουλιανή... ἡμάρτομεν ἐνώπιόν σου παραφρονήσαντες, ἀλλὰ συγχώρησον ἡμῖν...”.

Конструкции с союзом **нъ** и со значением уступительности особенно характерны для старославянских текстов. Зависимость между компонентами предложения в таких случаях относительно сильная, и чаще это — сложноподчиненные предложения с **аштє** (только на эти случаи и указывает Старославянский словарь 1994 г. [Словарь 1994, с. 385]). Однако не редки также и сложносочиненные предложения с имплицированной уступительностью, как в приведенном нами примере.

пресуппозиция¹³ :

вѣмъ Ѳко сѣма авраамиє естє . нъ іштетє мене оубити . Ѳко слово

¹³ О том, что пресуппозиция является одним из основных значений русского союза НО, см. статью Т. М. Николаевой в настоящем сборнике, с. 16–17.

мое не въмѣштаєтъ сѧ въ вѣ. И 8,37 Зогр, Мар, Ас

— Οὗτοι ὅτι σπέρμα Ἀβραὰμ ἔστε· ἀλλὰ ζητεῖτε με ἀποκτεῖναι, ὅτι ὁ λόγος ὁ ἐμὸς οὐ χωρεῖ ἐν ὑμῖν.

Данный текст подразумевает, что дети Авраама не должны бы были стремиться убить человека, сказавшего им услышанную от Бога истину. Пресуппозиция может быть “погашена” дальнейшим развитием повествования:

εἴσαχ̄ βο и іни ογченници исоусоу . сεд' мъ десафть чисменемъ . нъ ти вътории εἴσαχ̄ . ти не толикж имεаχ̄ чьсть ни толико пространство . не причастниша сѧ таинъих' толиц̄εхъ. Супр 409,6

— Καὶ γὰρ ἦσαν ἕτεροι μαθῆται τῷ Ἰησοῦ ἐφδομήκοντα τὸν ὄφιθμόν ἀλλ' ἐκεῖνοι τὰ δευτερεῖα εἶχον...

В старославянских рукописях встречаются также особые контексты с союзом **нъ**, когда одна и та же ситуация как бы “поворачивается” своими разными, причем противоположными, сторонами в каждом из компонентов предложения. Например:

вѣы же печальни бѣдете . нъ печаль ваша въ радость бѣдеть И 16,20 Мар, Зогр, Сав

— ὑμεῖς [δὲ] λυπηθήσεσθε, ἀλλ' ἡ λύπη ὑμῶν εἰς χαρὰν γενήσεται.

Подобные конструкции не чужды и современным славянским языкам, однако, кажется, исследователи не обращали на них особого внимания. Из описанных в литературе вопроса контекстов наиболее близки к нашим предложениям некоторые примеры, приведенные В. З. Санниковым в рубрике “но противоположной оценки” [Санников 1989, с. 149 и сл.], но в наших случаях речь идет не об “оценках”, а о самих ситуациях.

Для языка старославянских рукописей характерно употребление **и**, **а** и **нъ** в качестве инициальных союзов¹², что обусловлено, видимо, их содержанием – стилем поучений, толкований Св. Писания (часто от первого лица), а также непринужденных диалогов (последние особенно характерны для Евангелий, но встречаются и в произведениях других жанров). Инициальный союз **нъ** вводит предложения, содержащие нечто, противопоставленное тому, о чем

¹² Различие между абсолютно инициальными, или, по терминологии Т.М.Николаевой и И.Фужерон, “внешними” союзами (см. их работы в настоящем сборнике), и “внутренними” союзами в старославянских рукописях формально не выражено, так как старославянская письменность не имела системы знаков препинания в современном понимании.

говорилось выше по тексту, или прерывающее то, что говорилось выше по тексту, часто – меняющее тему повествования. Ср., например, типичный пример употребления инициального союза *нъ* в тексте поучения из гомилии Иоанна Златоуста о трехдневном воскресении Господнем:

καὶ ἀρχὴ πολὺς ῥάπτις μη . ἀνέῳ ποτρέεται οὐδὲ ματιῖ σα . καὶ δούλευτος πρέβεζηνδιδόμενος . σε καὶ τέλο πογούβηται . καὶ δούσθενος βλαγοροδίκης πρέδακτη . *νήν* εἰς ποτρέεται καὶ δούλευτος σταύτην . δα καὶ δούσθενος πτέλομος δοστονος σύκονταντην . δα δε σύβερανος ποστομος . οπράσνος πογούβηται . Супр 494,22. В греческом:

Τι γὰρ ὄφελος, εἰπέ μοι, ὑπὲρ τὴν χρείαν διαρρήγυνοθαι...; Τοῦτο καὶ τὸ σῶμα λυμαίνεται, καὶ τῆς ψυχῆς τὴν εὐγένειαν προβίωσιν. Ἄλλὰ τῆς αὐταρκείας καὶ τῆς χρείας γενώμεθα· ἵνα καὶ ψυχῆς καὶ σῶματος προσῆκον ἀποπληρώσωμεν...

Здесь призыв довольствоваться только самым необходимым противопоставлен риторическому вопросу о пользе превышения этого необходимого, который отделен от предложения с инициальным *нъ* еще одним предложением.

‘Аллά – наиболее частое соответствие инициального союза *нъ*, но он может употребляться и на месте других греческих союзов. Например, на месте *καί*:

Παῦλος... ρέσε . σέρον δία . κρούσε μέννινην εορτήν εγένετο . κλοψέεται εἴτε ογκενίκης σοτονίνης . οαντάκης τέλο χαρτότης βαλσαμονικής . ...ική πρέτερον εστι σα οοντα δούρομος εγένετο . οοντα ότιε κριατατης πτηνιατης ποδοβασια . ορθούος κα στράκου . ική τέλοις ιζμένηνηνική πρέτερον ψηνης δοροδονηνηα . οείμος δο ταν σα βέλος πρέπολος σα . καὶ δο δε ποστονος πρέπολος ιζλαγολη δεδέ δο τακο γηνέβασι σα . Супр 7,29

– δο Παῦλος εἶπεν· “Τοῦτον τὸν Δία, δν λέγεις εἶναι θεόν, ἄνθρωπος ἦν νιός τῶν ἀποστάτων, μεμαθητκῶς ἀκριβῶς τέχνην τὴν μαγικήν... Καὶ ἵνα μὴ τὰ ἀσελγήματα τούτου λέγω...

Конструкция с инициальным союзом *нъ* может также заменять греческую конструкцию с выделительной частицей *δέ*:

ρέσε ότιε δρούγτης ιδη βέλος τεβε τη . *нъ* πονει μη πρέπει δε οττεβέσσαται σα τέλη . ική σκτη βέλος δομου μοεμη Л 9, 61 Сав 57

– Εἶπεν δὲ καὶ ἔτερος· ἀκολουθήσω σοι, κύριε· πρῶτον δὲ ἐπίτρεψόν μοι ἀποτάξασθαι τοῖς εἰς τὸν οἶκόν μου.

Последний пример взят нами из Савиной книги и представляет собой более свободный перевод в сравнении с другими

старославянскими кодексами, что выражается не только в употреблении конструкции с инициальным союзом вместо греческой конструкции с выделительной частицей (славянская черта, о чем говорилось выше), но и другим порядком слов. Остальные старославянские кодексы более точно следуют за греческим оригиналом:

рече же і дроѹгы . ідже по тєбѣ ги . дрєвлє же повели отъврѣшти ми сѧ . іже сѧть въ домоу моемъ Зогр, Мар, Ас.

В старославянских рукописях высказывание, которому противопоставляется предложение с инициальным союзом **нъ**, иногда отстоит так же далеко по тексту от предложения с **нъ**, что инициальный союз **нъ** может быть ошибочно принят за побудительную частицу. Именно такую ошибку допускают авторы Старославянского словаря 1994 г., анализируя недостаточно большие контексты. Например, как побудительная частица **нъ** классифицируется в следующем случае: **рече же имъ нъ нынѣ иже иматъ вълагалиште да възьметъ такожде и пирж** Л 22,36 Мар [Словарь 1994, с. 385]. Минимальный текст для анализа, из которого явствует, что противопоставляется ситуация "тогда" и "сейчас", должен быть следующим:

и рече имъ егда посълахъ вты без вълагалишта . і бес пирты . і бесапогъ . еда чесо лишени бысте . они же рѣшмничесоже . рече же имъ нъ нынѣ иже иматъ вълагалиште да възьметъ такожде и пирж . і иже не иматъ да продастъ ризж свој и коупитъ ножъ .

В отличие от инициального **нъ**, инициальный союз **а** не выполнял в старославянском языке функций противопоставления или прерывания. Он имел присоединительное значение и был характерен для непринужденного, разговорного стиля. Встречается инициальный союз **а**, главным образом, в вопросительных предложениях, в прямой речи. Например:

Аүрилнанъ рече . непрѣподобныи жроде . доколѣ ҳоѹлы глаголеши о бозѣхъ много блажды . и досаждам . а ғъ вашъ кго же глаголете вты кръстнгани бытии богоу небесъскоѹмъ . не отъ жены ли роди сѧ . Супр 8,17. В греческом:

Αὐτιλλιανὸς εἶπεν· “Ἐως πότε βλασφημεῖς, ἀνόσιε, κατὰ τῶν θεῶν πολλὰ φλυαρῶν οὐχὶ καὶ δὲ ὑμέτερος Χριστός, διν λέγετε ὑμεῖς οἱ χριστιανοὶ εἶναι θεὸν οὐράνιον, ἐκ γυναικὸς ἐγεννήθη;”.

Близко по функции к употреблению в качестве инициального союза употребление союза **а**, вводящего вводное предложение со значением факультативного примечания. Например:

Егда же оվѣдѣ ꙗъ єко оѹслышаша фаристи . єко иѣ мъгожаша оѹченкы творитъ . и кръштаатъ неже иоанъ . а иѣ самъ не кръштааше нъ оѹченци его . остави июдей . и иде пакты въ галилеи И 4,2 Мар. В греческом:

Ως οὐν ἔγνω ὁ κύριος [Ιησοῦς] ὅτι ἤκουσαν οἱ Φαρισαῖοι ὅτι Ιησοῦς πλείονας μαθητὰς ποιεῖ καὶ βαπτίζει ἢ Ἰωάννης, — καίτοι γε Ιησοῦς αὐτὸς οὐκ ἐβάπτιζεν ἀλλ' οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ, — ἀφῆκεν τὴν Ιουδαίαν.

Таким образом, рассмотренный выше материал показывает, что старославянский союз **нъ** имел свою семантику, четко отличавшую его от других сочинительных союзов, в том числе и от союза **а**. Даже в “общих семантических зонах”, когда значение **нъ** ближе всего подходит к значениям других союзов (и в первую очередь союза **а**, с чем, видимо, связана традиция квалифицировать оба эти союза как “противительные”), **нъ** занимает свое особое место, особую нишу – функциональную и, видимо, семантическую. Мы не беремся пока окончательно определить “инвариант” значения союза **нъ**, оставляя это определение целью дальнейших изысканий. Учитывая, что для старославянского **нъ**, в отличие от русского НО, было характерно употребление в отношениях смысловой оппозиции, он, видимо, должен быть сформулирован несколько по-иному, чем это делает Т. М. Николаева в отношении *русского* НО: “В целом же НО в дискурсе необходимо квалифицировать как прекращение действия (реального или ожидаемого) с экспликацией этого прекращения – как явной, данной в тексте, так и имплицитно мотивированной (пресуппозиция)” (см. в настоящем сборнике, с. 18). Что же касается распространенного представления о “синонимичности” союзов **нъ** и **а**, то можно говорить только о близости их значений (и далеко не во всех компонентах их значений) в некоторых случаях. Напротив, анализ старославянских текстов выявляет большую функциональную близость союзов **а** и **и** (вспомним их взаимную мену в разных старославянских списках при переводе одного и того же греческого текста!), чем даже союзов **нъ** и **а**.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Ас – Ассеманиево евангелие
Зогр – Зографское евангелие
Карп – Карпинский апостол
Ключ – Сборник Ключа
Мар – Мариинское евангелие
Охр – Охридский апостол
Сав – Саввина книга
Слепч – Слепченский апостол
Супр – Супрасльская рукопись
Толк – Толковый апостол 1220 г.
Толст – Толстовский апостол

ЛИТЕРАТУРА

- Антоний 1895: *Архим. Антоний*. Из истории христианской проповеди. Очерки и исследования Антония, епископа Выборгского. Спб., 1895.
- Бирнбаум 1968: *Бирнбаум Г.* Общеславянское наследие и иноязычные образцы в структурных разновидностях старославянского предложения // American contributions to the 6th Intern. Congress of Slavists. V. 1. Linguistic contributions. The Hague-Paris, 1968.
- Вайан 1952: *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Грамматика 1980: Русская грамматика. Т. II. М., 1982.
- Дворецкий 1958: *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. М., 1958.
- Добрев 1983: *Добрев И.* Към старобългарски текстове, са най-близко до Кирило-Методиевия евангельски превод // Старобългарска литература, т. 14, София, 1983, с. 3–9.
- Карлсон 1986: *Карлсон Л.* Соединительный союз BUT // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.
- Михайлов 1895: *Михайлов А.В.* К вопросу об Учительном евангелии Константина, епископа Болгарского // Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского Археологического общества. Т. 1. М., 1895.
- Николаева 1985: *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Ружичка 1966: *Ружичка Р.* О понятии “заимствованный синтаксис” в свете теории трансформационной грамматики // Вопросы языкоznания, 1966, № 4, с. 80–96.
- Санников 1989: *Санников В.З.* Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
- Словарь 1994: Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.) //

- Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1994.
- Структура предложения 1983: Структура предложения в истории восточнославянских языков. М., 1983.
- Frisk 1954: *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1954.
- Lakoff 1971: *Lakoff R.* Ifs, ands and buts about conjunction // Studies in Linguistic Semantics. Ed. by Ch. Fillmore and D. Langendoen. New York, 1971, p. 115-150.
- Liddell–Scott 1940: *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. V. I. Oxford, 1940.
- Meyer 1935: *Meyer K.* Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt & Hamburg, 1935.
- Sloński 1908: *Sloński S.* Die Uebertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern. Leipzig, 1908.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>T.M. Николаева.</i> Сочинительные союзы А , НО , И : история, сходства и различия.....	3
<i>И. Фужерон.</i> О некоторых особенностях русских сочинительных союзов. Союзы И и А , союзы А и НО	25
<i>E.B. Падучева.</i> Эгоцентрическая семантика союзов А и НО	36
<i>Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина.</i> Союзы и частицы А , НО и НУ в русской диалектной речи.....	48
<i>B.C. Ефимова.</i> НЪ и другие союзы в старославянском.....	62

СЛАВЯНСКИЕ
СОЧИНİТЕЛЬНЫЕ
СОЮЗЫ

ЛП № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 11 ноября 1997 г. Усл. печ. л. 5.
Тираж 200 экз. Заказ № 245. Цена договорная.

Отпечатано в типографии ИПТК «Логос» ВОС

